СТРАНИЦЫ ПРОШЛАГО.

Въ наше мудреное время, когда всѣмъ и каждому такъ трудно жить на свѣтѣ, болѣе чѣмъ когда-либо представляется душевнымъ отдыхомъ почаще и поглубже *оглядываться назадъ* и вспоминать свое прошлое. Въ этомъ чувствѣ сказывается не одно естественное и во всѣ времена повторяющееся желаніе вспомянуть то, что было дорого и мило, и даже не одна исключительная археологическая пытливость, но и какое-то безсознательное влеченіе, какая-то неотразимая потребность связать нашу старину съ настоящимъ и изъ этой связи вывести, хотя бы и гадательныя, заключенія о туманномъ будущемъ. Для Русскаго человѣка, мнѣ кажется, въ этомъ стремленіи есть и еще одна, весьма рѣзкая и знаменательная черта, не лишенная своеобразнаго, историческаго значенія. Юные по своему политическому росту, юные по умственному, общественному и государственному развитію, младшіе по опыту и образованію—мы въ тоже время, благодаря окну, прорубленному Петромъ въ Европу, сразу во многихъ отношеніяхъ усвоили себѣ послѣдніе результаты Европейской культуры, не справляясь, въ какой мѣрѣ они намъ пригодны и, такъ сказать, „*по Сенькѣ-ли пришлася шапка*“.

Но при этомъ по справедливости слѣдуетъ сознаться, что въ послѣднее время все болѣе и болѣе, все чаще и чаще высказывается сомнѣніе въ правильности избраннаго пути, и это возникающее и все возрастающее сознаніе, что путь этотъ ложный, что не таковъ долженъ быть ростъ этого *ребенка-молодца*, такъ властно и мощно явившагося на свѣтъ Божій, приводитъ даже къ сомнѣнію въ возможность вѣрить въ твердое и самостоятельное будущее скороспѣлаго и неправильно-развитаго ребенка. Такое сомнѣніе есть едва ли не самое тяжкое и пагубное послѣдствіе современнаго порядка вещей, и въ немъ чудится намъ самое вѣрное объясненіе

той апатіи и того равнодушія къ общественнымъ и государственнымъ интересамъ, которыя составляютъ отличительную черту настоящаго времени и едва ли не служатъ самою существенною преградою ко всякому благому начинанію.

Вотъ въ эти-то тяжкія минуты сомнѣнія, когда и самое будущее какъ бы заволакивается отъ насъ зловѣщими тучами, невольно любимъ мы *оглянуться* и въ невозмутимой, неподвижной глубинѣ прошлаго искать сперва минутнаго отдыха отъ гнетущей дѣйствительности, а затѣмъ и утѣшительныхъ указаній, что на этомъ твердомъ, мощномъ основаніи не могъ возрости одинъ *пустоцвѣтъ*, обреченный на раннюю, преждевременную погибель.

Намъ могутъ возразить, что во всѣ времена и во всѣхъ поколѣніяхъ повторялись тѣже ошибки, совершались всякія преступленія и что человѣчество, во всѣ эпохи своего историческаго развитія, носило въ себѣ зародыши все тѣхъ же пороковъ и заблужденій. Это безспорно, и отнюдь не съ цѣлью безусловнаго одобренія и предвзятаго пристрастія должны мы относиться къ этимъ „преданіямъ старины глубокой“. Чѣмъ строже будемъ мы смотрѣть на событія нашего прошлаго, тѣмъ ярче и яснѣе будутъ проявляться его дѣйствительно-свѣтлыя стороны, и во всякомъ случаѣ даже самые его промахи и ошибки могутъ служить полезнымъ указаніемъ для грядущихъ поколѣній, лишь бы наша связь съ родною стариною не утрачивалась въ неустанныхъ стремленіяхъ къ новизнѣ.

Переживая на страницахъ „Русскаго Архива“, „Русской Старины“, „Историческаго Вѣстника“ и другихъ подобнаго рода изданій, исторію нашего прошлаго, мы невольно поражаемся тою рѣзкою разницею, которая существуетъ между минувшимъ поколѣніемъ и настоящимъ. Провѣрка и изученіе этой разницы могутъ и должны принести несомнѣнную пользу и утвердить въ насъ убѣжденіе не въ необходимости подражанія (это немыслимо и нежелательно), а въ твердости тѣхъ основъ нашего историческаго развитія, которыя мы, въ наше шаткое время всяческихъ колебаній, готовы почти признать воображаемыми и несущественными.

Подводя къ одному итогу ощущенія и впечатлѣнія, вызываемыя этимъ перелистываніемъ страницъ нашего прошлаго, нельзя не поразиться тою *силою*, которою вѣетъ отъ нихъ, по сравненію съ современною дряблостью. Эта сила проявлялась и въ отдѣльныхъ характерахъ и убѣжденіяхъ, и въ общественной и государственной жизни; она же преобладаетъ въ сферѣ частной и семейной. Даже на физическомъ развитіи нашихъ предковъ во всѣхъ его проявленіяхъ, какъ нормальныхъ, такъ и неправильныхъ и даже предосудительныхъ—на всемъ видна печать какой-то мощи, цѣльности природы, цѣльности вѣрованій и началъ. Намъ опять возразятъ, что чѣмъ тѣснѣе гори-

зонтъ мышленія, чѣмъ проще и ограниченнѣе кругъ задачъ и понятій извѣстнаго поколѣнія, тѣмъ легче ему оставаться твердымъ въ своихъ убѣжденіяхъ и выполнять ихъ несложныя требованія. Не споримъ, быть можетъ это и такъ; но въ такомъ случаѣ, гдѣ же польза, какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для цѣлаго общества и государства, если съ внезапнымъ, черезъ край бьющимъ наплывомъ новыхъ понятій, вѣрованій и требованій, нарушается то равновѣсіе, которое необходимо между силами вторгающимися и силами воспринимающими и переваривающими; а безъ этого равновѣсія организмъ ослабѣваетъ, притупляется и увлекается то въ ту, то въ другую сторону, лишенный внутренней точки опоры—единственной, которая можетъ придать смыслъ и устойчивость всей его дѣятельности? Иначе, какъ же объяснить, что чѣмъ дальше умъ человѣческій проникаетъ въ тайны видимой и невидимой природы, чѣмъ смѣлѣе, пытливѣе и успѣшнѣе онъ разоблачаетъ тайны своего бытія и покоряетъ себѣ силы, имъ открываемыя и изобрѣтаемыя, онъ, одновременно съ этимъ торжествомъ, утрачиваетъ вѣру въ собственныя дѣйствія, въ свое будущее, и впадаетъ въ то тяжелое, апатичное состояніе, въ которомъ мы его теперь видимъ? Не лежитъ ли въ основѣ этого явленія чрезмѣрное преобладаніе реальной стороны жизни, въ ущербъ ея духовной сторонѣ, и не лишаетъ ли это неустанное, неудержимое стремленіе впередъ и впередъ современнаго человѣка возможности сосредоточиться, разобраться и установить извѣстный, опредѣленный образъ мышленія и дѣйствій? Не напоминаетъ ли намъ это явленіе тотъ губернскій нашъ городъ, который упорно продолжаетъ понынѣ освѣщаться масляными фонарями и на всѣ настоятельныя требованія со стороны его гражданъ перейти, наконецъ, къ газовому освѣщенію, городская администрація неизмѣнно заявляетъ, что переходить къ газу не стоитъ, въ виду изобрѣтеннаго нынѣ усовершенствованнаго электрическаго освѣщенія и что слѣдуетъ подождать, не придумаютъ ли на дняхъ еще чего-либо лучшаго и болѣе дешеваго, и тогда уже сразу примѣнить къ уличному освѣщенію это послѣднее слово науки? Не ждемъ ли мы и во всемъ этого пресловутаго *послѣдняго слова науки*, а покуда считаемъ также возможнымъ жить безъ внутренняго, духовнаго освѣщенія, при какомъ-то переходномъ и постоянно смѣняющемся и колеблющемся мерцаніи новыхъ открытій, системъ и убѣжденій?

Наши предки проще смотрѣли на жизнь и ея требованія; но то что̀ разъ ими признавалось за истину, того они держались стойко, и поэтому большею частью ихъ образы выступаютъ такъ рельефно и ярко во всѣхъ изучаемыхъ нами мемуарахъ, запискахъ и слѣдахъ прожитаго времени. Кромѣ того, конецъ прошлаго столѣтія и первая половина настоящаго такъ богаты великими, міровыми событіями, что все до нихъ относящееся невольно приковываетъ къ себѣ всеобщее вниманіе современнаго большинства. Если даже

отчасти признать вѣрность теоріи, проводимой такъ упорно графомъ Л. Н. Толстымъ въ его романѣ „Война и Миръ“ о томъ, что „не событія созидаютъ людей, а напротивъ люди созидаютъ событія“,—то естественно придется придти къ убѣжденію, что предшествовавшія намъ поколѣнія дѣятелей заслуживали того, чтобы не только быть очевидцами, но и дѣйствующими лицами въ эти замѣчательныя эпохи историческаго развитія нашего отечества.

Этотъ невольный интересъ, постоянно возбуждаемый малѣйшимъ упоминаніемъ объ историческихъ моментахъ нашего ближайшаго прошлаго, и можетъ служить лучшимъ и единственнымъ оправданіемъ кождому изъ насъ, кто бы рѣшился предложить на судъ печати біографическій очеркъ не крупнаго какого-нибудь историческаго дѣятеля, а просто человѣка съ честью и достоинствомъ прошедшаго свое жизненное поприще и прикасавшагося непосредственно ко всѣмъ главнымъ событіямъ своего времени.

Подчасъ подобныя страницы, вырванныя изъ частнаго быта и частной дѣятельности, еще ярче и своеобразнѣе освѣщаютъ нѣкоторыя подробности извѣстной эпохи и придаютъ новые рѣзкіе штрихи и краски какому-нибудь крупному событію или выдающейся личности.

Предпринимая здѣсь попытку возстановить въ своей памяти дорогòй для меня образъ моего отца, я встрѣчаю весьма существенное затрудненіе, которое весьма рѣдко достается кому-либо на долю. Обыкновенно подобные очерки прошлаго опираются на письменныхъ документахъ, на подлинныхъ запискахъ и автобіографическихъ свѣдѣніяхъ, которыя стоитъ лишь подобрать и въ крайнемъ случаѣ дополнить какими-нибудь поясненіями и толкованіями. Но въ данномъ случаѣ приходится восполнять все это мнѣ собственною памятью, такъ какъ отецъ мой не оставилъ ни одной писаной страницы о своей долгой и разнообразной жизни, и все мнѣ извѣстное и усвоенное заимствовано изъ его устныхъ разсказовъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ весьма неохотно, но не имѣлъ силы мнѣ въ нихъ отказывать въ виду того ненасытнаго вниманія, съ которымъ я къ нимъ прислушивался. Кромѣ того, его строгая сосредоточенная, цѣльная фигура плохо мирилась вообще со всѣми мемуарами и автобіографіями, считая ихъ въ большинствѣ проявленіемъ невольнаго самовосхваленія и мелкаго самолюбія; но подъ вліяніемъ моихъ разспросовъ, онъ иногда съ видимымъ увлеченіемъ погружался въ прошлое и своею мѣткою, рѣзкою и лаконическою рѣчью отмѣчалъ весьма живо многіе образы и картины своего времени. Вотъ почему, въ благоговѣйной памяти дорогаго мнѣ *скромно-гордаго облика*, я намѣренъ въ своихъ отрывочныхъ воспоминаніяхъ главнымъ образомъ останавливаться на тѣхъ крупныхъ лицахъ, съ которыми отецъ мой приходилъ въ соприкосновеніе и на тѣхъ событіяхъ, которыхъ онъ былъ очевидцемъ и особенно тѣхъ, гдѣ онъ былъ участникомъ, касаясь лишь между прочимъ и личныхъ моментовъ и постепенныхъ фазисовъ его жизни и предоставляя оцѣнку ихъ другимъ.

Каюсь чистосердечно, что этотъ трудъ имѣетъ для меня невыразимую прелесть, и всякій, кто имѣлъ счастіе до вполнѣ зрѣлаго и сознательнаго возраста провести жизнь подъ сѣнью правильнаго, строгаго, тѣсно-сплоченнаго семейнаго очага, пойметъ значеніе и обаятельную силу такого перелистыванія дорогихъ страницъ своего семейнаго прошлаго.

Отецъ мой, Иванъ Семеновичъ Тимирязевъ родился въ Москвѣ 16 Декабря 1790 года, въ приходѣ церкви Св. Симеона Столпника что́ на Поварской. Родитель его, а мой дѣдъ Семенъ Ивановичъ Тимирязевъ проводилъ въ то время всѣ зимы въ Москвѣ, а на лѣто уѣзжалъ въ свое имѣніе Рязанской губ., Ряжскаго уѣзда, село Свинушки (купленное впослѣдствіи извѣстнымъ откупщикомъ Рюминымъ, а нынѣ перешедшее по продажѣ съ публичнаго торга Данилѣ Даниловичу Шумахеру, бывшему Московскому городскому головѣ). Объ этомъ имѣніи и первыхъ годахъ проведеннаго въ немъ дѣтства отецъ мой всегда вспоминалъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Домъ былъ огромный, усадьба барская, церковь великолѣпная, раздолье луговъ и лѣсовъ вокругъ, со множествомъ ягодъ, грибовъ и дичи. Въ церкви была впослѣдствіи похоронена моя бабушка Ольга Михайловна и, когда это имѣніе перешло еще при жизни дѣда въ чужія руки, то отецъ мой, будучи уже самъ старикомъ въ 50-тыхъ годахъ и сенаторомъ въ Москвѣ, отправляясь лѣтомъ по дѣламъ въ нашу Тамбовскую деревню, заѣзжалъ неоднократно въ Свинушки поклониться праху своей матери и отслужить панихиду. Вообще воспоминаніе о матери оставалось, видимо, въ памяти его сердца какимъ-то смутнымъ, но завѣтнымъ уголкомъ, и при упоминаніи о ней подчасъ показывалась слеза на его глазахъ; а онъ былъ не слезливаго десятка и лишился матери, будучи 16 лѣтнимъ мальчикомъ. Но возвращаюсь къ моему дѣду Семену Ивановичу, о которомъ впрочемъ могу сообщить весьма мало подробностей. Знаю только, что онъ происходилъ отъ довольно древняго рода Татарскихъ князей; что чуть ли не въ XIV вѣкѣ у нѣкоего Татарскаго князя были три сына: Тимуръ, Юсуфъ и Урусъ и отъ нихъ идутъ три рода: Тимирязевы, Юсуповы и Урусовы; но почему послѣдніе два рода сохранили свой княжескій титулъ, а мы свой утратили—объяснить не сумѣю. Достовѣрно лишь то, что въ гербѣ нашемъ и понынѣ сохранилась княжеская порфира, и хотя съ теченіемъ времени тождественность герба утратилась, но вначалѣ фамильный гербъ Юсуповыхъ, Урусовыхъ и Тимирязевыхъ былъ одинъ и тотъ же.—У дѣда моего было нѣсколько братьевъ; но остальные умерли въ раннемъ возрастѣ, и отецъ мой упоминалъ только о старшемъ братѣ своего отца, Василіѣ Ивановичѣ, который постоянно жилъ въ своемъ родовомъ имѣніи Калужской губ., Лихвинскаго уѣзда, селѣ Ржавцѣ (доставшемся послѣ него отцу моему по духовному завѣщанію) и извѣстенъ тѣмъ, что въ тяжкую годину 1812 года былъ Калужскимъ губернскимъ предводителемъ

дворянства и энергическимъ помощникомъ и пособникомъ Калужскаго губернатора Каверина въ дѣлѣ образованія народнаго ополченія и вооруженія мѣстнаго населенія на защиту отечества. Объ этомъ Васильѣ Ивановичѣ отецъ между прочимъ разсказывалъ, что онъ и физически былъ въ полномъ смыслѣ Русскій богатырь прежняго закала и когда отецъ однажды, въ 20-хъ годахъ, находясь въ отставкѣ, пріѣхалъ къ дядѣ въ с. Ржавецъ на святки и поутру вошелъ въ его уборную съ нимъ поздороваться, то нашелъ старика сидящимъ въ халатѣ передъ зеркаломъ съ открытымъ на половину окномъ. Когда отецъ отступилъ отъ окна, изъ котораго обдало его зимнею декабрьскою стужею, старикъ залился звонкимъ смѣхомъ и началъ укорять молодежъ въ зябкости и дряхлости. Что́ бы сказалъ онъ при видѣ нашей современной молодежи съ ея скороспѣлымъ увяданіемъ и поблеклымъ видомъ!

Дѣдъ мой Семенъ Ивановичъ былъ въ полномъ смыслѣ глава своей семьи и даже въ то патріархальное время неоспоримаго и прочнаго родительскаго авторитета извѣстенъ былъ, какъ человѣкъ крутаго нрава и непреклонной воли. О его воспитаніи и степени образованія ничего не могу сказать, но слѣдуетъ думать, что философскія вѣянія того времени остались не безъ слѣда и на немъ, потому что онъ завѣдомо принадлежалъ къ категоріи "des libres penseurs", и лишь на старости лѣтъ свершился въ немъ крутой переворотъ: со свойственною подобнымъ крѣпкимъ и цѣльнымъ натурамъ страстностью и крайностью онъ впалъ почти въ аскетизмъ, проводилъ все время въ молитвѣ, во время поста почти не принималъ никакой пищи и умеръ искреннимъ, образцовымъ христіаниномъ. Памятникомъ этого крутаго обращенія его служитъ въ нашей семьѣ икона Иверской Божьей Матери, совершенно такихъ же размѣровъ и въ такой же серебряной позолоченной ризѣ, какъ и образъ, находящійся въ извѣстной часовнѣ въ Москвѣ. По разсказамъ тетокъ моихъ, Настасьи и Авдотьи Семеновны Тимирязевыхъ, дѣдушка однажды безнадежно заболѣлъ и вслѣдствіе какого-то ночнаго видѣнія далъ обѣтъ, если онъ выздоровѣетъ, вымѣнять подобную икону и дѣйствительно выполнилъ въ точности это обѣщаніе. Икона эта, стоившая въ то время нѣсколько тысячъ р. асс., послѣ его смерти поступила къ вышеназваннымъ мною дочерямъ его, а отъ нихъ преемственно перешла къ сестрѣ моей, у которой и теперь находится въ особой кіотѣ и на твердомъ постаментѣ, занимающемъ половину стѣны.

Дѣдушка былъ женатъ на Ольгѣ Михайловнѣ Юрьевой, изъ богатой дворянской фамиліи Костромской губ. Братья ея по зимамъ постоянно живали въ Москвѣ, въ своемъ домѣ въ Охотномъ ряду, гдѣ теперь гостинница Лондонъ (бывшая Шора). Про этихъ Юрьевыхъ у меня осталось въ памяти лишь повѣствованіе о томъ, что они продали свои Костромскія (или Ярославскія?) имѣнія въ Коммисію построенія Храма Спасителя въ то первое время, когда по проекту Витберга онъ сооружался на Воробьевыхъ горахъ. Крестьяне

Юрьевыхъ были употребляемы на этихъ работахъ и разсказывали своимъ бывшимъ владѣльцамъ, сколько народа при этомъ погибало отъ разныхъ болѣзней, отъ непомѣрныхъ трудовъ въ борьбѣ съ природою на этихъ обрыгахъ, покуда не признали невозможность продолжать осуществленіе этой грандіозной задачи. Но все же нельзя не пожалѣть, что не удалось выполнить этого гигантскаго проекта: подобный памятникъ своимъ величіемъ превзошелъ бы все, чѣмъ мы въ правѣ до сихъ поръ гордиться въ этомъ родѣ.

Первоначальное воспитаніе отца моего и старшаго брата его Аркадія Семеновича и послѣдующее ихъ образованіе, по обычаю зажиточныхъ дворянскихъ семей того времени, совершалось дома. Смѣнялась обычная въ то время серія гувернантокъ, гувернеровъ, домашнихъ учителей и наставниковъ, и все это регулировалось и направлялось безапелляціоннымъ руководствомъ строгаго родителя и по возможности изъ-подъ руки смягчалось нѣжнымъ, преданнымъ вліяніемъ матери. Но мой отецъ до конца жизни сохранилъ на себѣ отпечатокъ непосредственнаго самообразованія и саморазвитія. Чувствовалось, что все, что̀ предлагалось его вниманію, въ формѣ-ли научнаго чтенія и философскихъ теорій или внѣшнихъ событій, все это немедленно проводилось черезъ его вполнѣ своеобразное и самостоятельное мышленіе и принимало немедленно особую, лично ему принадлежащую окраску. Онъ былъ человѣкъ остраго, замѣчательнаго ума отъ природы, обширной наблюдательности и быстроты соображенія, подчасъ изумительной. Живость его природы и нетерпѣливость его характера почти не допускали не только кропотливаго, но даже и всякаго анализа; но за то вѣрность его порывистыхъ опредѣленій и способность разрѣшать всяческія затрудненія по существу поражали своею мѣткостью. Онъ не допускалъ никакихъ компромиссовъ ни для себя, ни для другихъ: черное всегда черно, бѣлое всегда бѣло; совѣсть или безусловно чиста, или туманна, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ большею частью не взвѣшивалъ степени этой туманности, а прямо отворачивался.—Но я отвлекся и забѣжалъ впередъ; возвращаюсь къ тому времени, когда эту будущую желѣзную полосу готовились только опустить въ горнило житейскаго опыта.

Чѣмъ бы кончилось воспитаніе двухъ братьевъ, Аркадія и Ивана, при нормальномъ ходѣ обстоятельствъ, неизвѣстно; но лѣтомъ 1807 года случилось въ Свинушкахъ событіе, приведшее къ нежданной развязкѣ ихъ судьбы. Послѣ недолгой, но острой болѣзни тихо скончалась бабушка моя Ольга Михайловна, и съ нею, по словамъ моего отца, какъ будто исчезла благодатная, спокойная, семейная жизнь. Потрясенный этою потерею, дѣдушка Семенъ Ивановичъ, на первое время, какъ бы растерялся и рѣшилъ двухъ старшихъ сыновей своихъ немедленно опредѣлить на службу, несмотря на то, что отцу моему еще не исполнилось тогда и 17-ти лѣтъ. Сборы были недолги, и осенью того же года ихъ отправили для поступленія въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ. При нихъ отпустили стараго дядьку, четверку лошадей и

соотвѣтствующее количество прислуги. Дальнѣйшая судьба ихъ была поручена дѣдушкою Юрію Александровичу Нелединскому-Мелецкому, съ которымъ онъ издавна находился въ самыхъ близкихъ и пріязненныхъ отношеніяхъ и въ особенности любилъ и уважалъ жену Нелединскаго, такъ что неоднократно сопровождалъ ее больную въ деревню, когда Юрію Александровичу, по служебнымъ обстоятельствамъ, нельзя было оставлять столицу. Въ письмѣ къ Нелединскому дѣдушка поручалъ ему сыновей своихъ и предоставлялъ ему право опредѣлить ихъ, по его усмотрѣнію, въ какой угодно гвардейскій полкъ, но только *не въ конную гвардію*. Поводомъ къ этому исключенію служило то, что великій князь Константинъ Павловичъ состоялъ шефомъ этого полка и по слухамъ, доходившимъ до дѣдушки, былъ не только неумолимо строгъ съ юнкерами, но даже иногда и собственноручно съ ними расправлялся.

Ю. А. Нелединскій принялъ своихъ питомцевъ, какъ собственныхъ дѣтей и предложилъ имъ вскорѣ поступить юнкерами въ л.-гв. егерскій полкъ, шефомъ котораго былъ его близкій пріятель, всѣми любимый и уважаемый князь П. И. Багратіонъ. Молодые люди разумѣется на это охотно согласились (хотя мечтали о кавалерійской службѣ), были представлены Багратіону, обласканы имъ и даже перешли къ нему на жительство, въ какую-то пустую залу его дома, чтобы у него подъ глазами готовиться въ егерскій полкъ.

Въ это время въ Европѣ еще раздавались грозные раскаты Наполеоновскихъ побѣдъ; разгромленная Пруссія, лишь благодаря заступничеству императора Александра, сохранила свою самостоятельность, и Тильзитское свиданіе приковывало къ себѣ всеобщее вниманіе. Сѣверная сосѣдка наша, Швеція, подстрекаемая Англіею, начинала внушать намъ своими дѣйствіями настолько опасеній за наши окраины, что послѣдовало назначеніе Багратіона главнокомандующимъ войсками въ Финляндіи; а во время его отсутствія л.-гв. егерскій полкъ поступилъ подъ главное начальство великаго князя Константина Павловича. Это неожиданное перемѣщеніе совершилось еще до окончательнаго поступленія отца и дяди моего въ егерскій полкъ. Озадаченные сперва внезапною перемѣною, молодые люди вскорѣ сообразили, что она можетъ повести къ выполненію ихъ завѣтной мечты поступить на службу въ кавалерію и именно въ запрещенный, но желанный конногвардейскій полкъ. Они явились къ Нелединскому и заявили ему, что, разъ что судьба подчиняетъ ихъ непосредственно грозному великому князю, то не лучше ли и не выгоднѣе ли было бы прямо поступить въ любимый и балуемый имъ полкъ, чѣмъ подвергаться его строгости въ чуждомъ и навязанномъ ему полку? „Это вы не глупо придумали“, замѣтилъ имъ на это Нелединскій и обѣщалъ написать о томъ отцу ихъ. Получивъ на то согласіе дѣдушки, онъ принялъ на себя ходатайство по этому дѣлу, и весьма быстро состоялось опредѣленіе нашихъ двухъ молодцовъ въ конную гвардію, и они приступили къ приготовленіямъ по обмун-

дированію и поступленію въ полкъ. Наконецъ, наступилъ торжественный день представленія нашихъ юнкеровъ грозному, августѣйшему ихъ шефу. Во время разсказа моего отца объ этомъ представленіи, на вопросъ мой о томъ, чувствовалъ ли онъ дѣйствительно сильную робость при этомъ случаѣ, онъ отвѣчалъ, что нимало не боялся и къ этому прибавилъ обычное свое замѣчаніе по этому поводу, что робость, по его мнѣнію, составляетъ результатъ нечистой совѣсти. „Трусость въ сраженіи“, говорилъ часто мой отецъ, „иногда дѣйствительно можетъ не зависѣть отъ воли человѣка, а отъ исключительнаго, прискорбнаго состоянія его нервной системы; но робость по отношенію къ людямъ, какъ бы высоко они ни стояли, составляетъ первую ступень подлости и въ порядочномъ человѣкѣ существовать не можетъ и не должна.“ Подобный приговоръ едва ли безусловно справедливъ; но, какъ я уже упоминалъ выше, однажды сложившіяся у отца убѣжденія никакой апелляціи въ его мышленіи не подлежали, и въ теченіе всей своей служебной карьеры онъ постоянно относился съ особеннымъ довѣріемъ и уваженіемъ къ тѣмъ изъ своихъ подчиненныхъ, которые умѣли сохранять передъ нимъ свою самостоятельность, не взирая на всю его взыскательность и строгость по службѣ.

Но возвращаюсь къ своему разсказу о представленіи юнкеровъ грозному шефу. Отцу моему въ то время еще не исполнилось и 17-ти лѣтъ; будучи средняго роста, худощаваго сложенія, онъ имѣлъ видъ совершеннаго ребенка и, хотя тутъ же находилось еще нѣсколько юнкеровъ другихъ полковъ, но онъ рѣзко отличался отъ остальныхъ своею юностью.

Великій князь Константинъ Павловичъ, при входѣ въ залъ, окинулъ быстрымъ взоромъ, изъ-подъ нависшихъ своихъ бровей, всѣхъ присутствующихъ и повидимому пораженъ былъ дѣтскою фигурою новобранца, добровольно идущаго на закланіе. Когда дошла очередь до юнкеровъ, и ему названы были братья Тимирязевы, то онъ съ ясною, привѣтливою улыбкою подошелъ къ моему отцу, ласково взялъ его за ухо и своимъ отрывистымъ голосомъ спросилъ его: „Развѣ ты не боишься меня?“—„Никакъ нѣтъ, ваше высочество“, бойко отвѣчалъ юноша. „Но вѣдь ты знаешь, что я шутить не люблю?“ все также ласково продолжалъ великій князь.—„Если я буду служить какъ слѣдуетъ, чего же мнѣ бояться, ваше высочество?“ отвѣчалъ отецъ, нимало не робѣя. „Молодецъ!“ воскликнулъ великій князь и, потрепавъ его по щекѣ, приказалъ немедленно записать ихъ въ такой-то эскадронъ конно-гвардейскаго полка. Къ этому разсказу отецъ присовокупилъ, что ему инстинктивно чувствовалось, что съ самаго этого перваго момента его представленія великому князю въ Константинѣ Павловичѣ зародилось то расположеніе и довѣріе къ нему, которое оставалось всегда неизмѣннымъ во все время ихъ долгихъ, столь близкихъ отношеній, и въ этомъ случаѣ какъ будто подтвердилась и личная теорія моего отца, что строгій начальникъ всегда довѣрчиво относится къ нетрусливому и самостоятельному подчиненному. Въ дальнѣй-

шемъ ходѣ моего повѣствованія дѣйствительно обнаружится, въ какой мѣрѣ своенравная, вспыльчивая, крутая натура цесаревича могла быть кротка, пристрастна, почти нѣжна въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ считалъ возможнымъ и безопаснымъ давать волю болѣе мягкимъ сторонамъ своего въ сущности добраго сердца. Кромѣ того, онъ не могъ не сознавать того страха, который внушала его личность всѣмъ отъ него зависящимъ и въ особенности молодежи; онъ считалъ этотъ страхъ необходимымъ спутникомъ военной дисциплины и весьма часто какъ будто даже хвастался и гордился имъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣроятно замѣчалъ, что молодые люди охотно избѣгали тѣхъ полковъ, которые находились подъ непосредственнымъ его начальствомъ и потому съ особеннымъ удовольствіемъ относился къ тѣмъ рѣдкимъ случаямъ, когда кто-либо добровольно изъявлялъ готовность служить подъ его командою. Какъ бы то ни было, но оба наши юнкера и въ особенности мой отецъ никогда не имѣли повода раскаиваться въ своемъ рѣшеніи и во все время своего пребыванія въ конно-гвардейскомъ полку, до 1813 года, не подверглись никакимъ не только уже личнымъ вспышкамъ грознаго шефа, но даже и какимъ-либо взысканіямъ по службѣ. Правда, что и чувство долга и дисциплины было у нихъ настолько развито, что сознаніе своего достоинства не допустило бы ихъ до нарушенія обязанностей.

Отецъ часто говаривалъ, что самое строгое подчиненіе чужой волѣ, въ сферѣ служебной іерархіи и по требованію законной дисциплины, не можетъ заключать въ себѣ ничего унизительнаго для самой гордой и самостоятельной натуры; но что крайне тяжело и невыносимо было бы подвергаться начальническому справедливому взысканію, а еще хуже того начальническому снисхожденію, за нарушеніе своего служебнаго долга. И это правило такъ согласовалось со строгою, исполненною собственнаго достоинства натурою моего отца, что мнѣ никогда не представлялось возможнымъ вообразить себѣ, чтобы когда-либо и кѣмъ-либо могло быть примѣнено къ нему нѣчто похожее на снисхожденіе.

Служба нашихъ юнкеровъ шла своимъ чередомъ; дядя мой Аркадій былъ произведенъ въ корнеты въ 1809 году, а отецъ мой въ началѣ 1810 года.

Объ этой эпохѣ въ жизни отца въ моихъ воспоминаніяхъ не сохранилось никакихъ разсказовъ, заслуживающихъ упоминанія. Онъ, повидимому, платилъ въ то время дань молодости въ очень большихъ размѣрахъ; и могу себѣ легко вообразить тотъ широкій размахъ, съ которымъ юноша его склада и темперамента, предоставленный самому себѣ, окунулся въ водоворотъ столичныхъ увлеченій и увеселеній. Онъ еще былъ слишкомъ молодъ, чтобы слѣдить съ напряженнымъ вниманіемъ и сознательнымъ интересомъ за развитіемъ тѣхъ новыхъ, либеральныхъ вѣяній, которыя высказывались въ нашемъ государственномъ строѣ со времени воцаренія императора Александра Павловича. Поглощенный службою и веселою, беззаботною жизнью, онъ не

могъ и по возрасту своему, и по роду служенія и товарищескому кругу, принадлежать къ юной партіи такъ называемаго прогресса. Впрочемъ, во всѣхъ своихъ отрывочныхъ сужденіяхъ объ этой эпохѣ такъ называемаго возрожденія, онъ, съ свойственною уму его прямотою и съ присущимъ ему въ высшей степени здравымъ смысломъ и яснымъ пониманіемъ людскихъ слабостей, идущихъ часто рядомъ съ самыми высокими дарованіями и достоинствами, всегда относился вполнѣ безпристрастно къ видным дѣятелямъ того времени. Такъ напримѣръ, по личнымъ связямъ и отношеніямъ, ради искренней дружбы съ княземъ П. А. Вяземскимъ, а впослѣдствіи послѣ женитьбы своей и по семейному сближенію, онъ принадлежалъ къ такъ называемому Карамзинскому кружку. Относясь постоянно съ особеннымъ чувствомъ уваженія къ свѣтлой личности и историческимъ заслугамъ Н. М. Карамзина, онъ всегда съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминалъ о неизмѣнномъ расположеніи къ нему почтеннаго нашего исторіографа и всей его семьи и до конца жизни оставался вѣрнымъ другомъ наличныхъ членовъ этого семейства. Вѣрность и прочность отношеній составляли вообще отличительное свойство моего отца во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ основаніи ихъ лежало чувство уваженія и довѣрія; но при этомъ мнѣ извѣстны нѣкоторые случаи въ его жизни, гдѣ онъ круто обрывалъ интимное сближеніе, завязавшееся случайно среди кутящей молодежи, когда впослѣдствіи обнаруживалось, что это сближеніе не соотвѣтствовало его строгимъ и рѣзко опредѣленнымъ требованіямъ. Но, возвращаясь къ вышесказанному, относительно его принадлежности, такъ сказать, къ Карамзинскому кружку, я хочу досказать здѣсь, что онъ въ тоже время относился весьма безпристрастно и, такъ сказать, осторожно къ характеру дѣятельности другихъ видныхъ личностей совершенно противоположнаго лагеря, какъ напримѣръ, Сперанскаго и его послѣдователей. Онъ всегда упоминалъ съ крайнимъ недовѣріемъ объ установившемся въ то время убѣжденіи насчетъ преступныхъ, противогосударственныхъ побужденій, приписываемыхъ Сперанскому, и утверждалъ, что, по его мнѣнію, Сперанскій былъ, въ то тяжкое для Россіи время, жертвою общественнаго настроенія, взволнованнаго предстоящею войною съ Наполеономъ. Ему всегда казалось, что при нормальномъ положеніи политическаго строя въ Европѣ подобное обвиненіе, если бы оно даже и могло возникнуть, само собою и рушилось бы, не вызывая того внезапнаго и невыясненнаго паденія этого крупнаго государственнаго дѣятеля, которое послѣдовало, въ виду ополчавшейся на отечество наше Европейской коалиціи.

Наконецъ, наступила година 1812 года. Отецъ мой и старшій братъ его Аркадій выступили съ своимъ полкомъ въ Литву въ составѣ гвардейскаго корпуса, при которомъ совершалъ походъ и цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Здѣсь мнѣ приходится въ моихъ воспоминаніяхъ разстаться, такъ сказать, съ моимъ дядею Аркадіемъ Семеновичемъ, который вскорѣ поступилъ

ординарцемъ, а потомъ адъютантомъ къ князю Витгенштейну въ его особый, сѣверный корпусъ. Братья разошлись и уже не сходились болѣе на службѣ въ одной и той же части до конца.

Во время пребыванія императора Александра Павловича въ Вильнѣ получено было извѣстіе о вступленіи Наполеона въ предѣлы Россіи и началось то знаменитое отступленіе Русской арміи, которое въ то время возбуждало такіе разнообразные, противоположные толки и сужденія. Отецъ мой былъ безусловный поклонникъ Барклая-де-Толли вообще и его плана военныхъ дѣйствій въ особенности; онъ считалъ невозможнымъ открытый бой съ тѣми недостаточными силами, которыми мы въ то время располагали, и всегда повторялъ, что случись даже Бородинское сраженіе мѣсяцемъ ранѣе и не подъ Москвою, а гдѣ-либо въ Литвѣ или за Смоленскомъ, то послѣдствія его для Русской арміи были бы непоправимы. Вообще его всего болѣе плѣняла въ Барклаѣ та стойкость въ выполненіи однажды усвоеннаго и утвержденнаго плана дѣйствій; то ежедневное, до мелочей доходящее вниманіе къ выбору позиціи для отступленія; то невозмутимое хладнокровіе, съ которымъ онъ выносилъ едва сдерживаемые и даже не всегда вполнѣ сдерживаемые взрывы негодованія и недовѣрія со стороны многихъ окружавшихъ его военноначальниковъ. Съ прибытіемъ князя Багратіона, этого доблестнаго героя, столь любимаго войскомъ, ропотъ и неудовольствіе противъ главнокомандующаго достигли крайнихъ предѣловъ, и, подкрѣпленные авторитетомъ этого блестящаго представителя Суворовской школы, выразились въ общемъ обращеніи къ великому князю Константину Павловичу съ просьбою, чтобы онъ, какъ братъ Государя, могущій пользоваться относительною свободою слова и мнѣній, объяснилъ главнокомандующему, что дальнѣйшее продолженіе принятой имъ системы постояннаго отступленія деморализуетъ армію, распространяетъ ужасъ во всей Россіи и въ концѣ концовъ можетъ окончательно сокрушить воинственный духъ и всякую отвагу въ Русскомъ солдатѣ, не привычномъ къ подобному образу дѣйствій. Великій князь рѣшился исполнить желаніе своихъ сослуживцевъ и отправился къ главнокомандующему. Барклай съ величайшею учтивостью и полнѣйшимъ вниманіемъ выслушалъ горячую рѣчь цесаревича и затѣмъ заявилъ, что, не считая возможнымъ, при настоящемъ составѣ арміи, измѣнить утвержденную Государемъ систему дѣйствій, но въ тоже время признавая всю важность и значеніе представленныхъ великимъ княземъ возраженій, онъ проситъ его высочество приготовиться къ немедленному отъѣзду въ Петербургъ съ донесеніемъ отъ него Барклая, такъ какъ никто лучше его не сумѣетъ объяснить Государю Императору истиннаго положенія вещей. Великій князь дѣйствительно уѣхалъ; недовольные примолкли, и въ тотъ же вечеръ Барклай съ обычною невозмутимостью осматривалъ новую позицію для послѣдующаго отступленія. Весьма возможно, что этотъ эпизодъ былъ переданъ отцу моему впослѣдствіи самимъ цесаревичемъ, который часто и

охотно возвращался въ разговорахъ своихъ съ приближенными къ подробностямъ великаго похода.

Въ лагерь подъ Дриссою пришло извѣстіе о назначеніи новаго главнокомандующаго, а при Царевѣ-Займищѣ князь Кутузовъ уже вступилъ въ командованіе и яко бы произошелъ этотъ знаменательный полетъ орла надъ главою маститаго сподвижника великаго Суворова въ то время, когда войска впервыя проходили передъ нимъ церемоніальнымъ маршемъ. Роль Барклая кончилась, но онъ еще оставался нѣкоторое время при арміи и, по словамъ моего отца, въ Бородинскомъ сраженіи видимо искалъ смерти; его бѣлый конь и невозмутимая высокая, неподвижная фигура виднѣлись всюду, гдѣ была наибольшая опасность; но онъ не былъ даже раненъ. Замѣчательно при этомъ, что Русскій солдатъ, столь чуткій и опытный въ опредѣленіи личной храбрости и неустрашимости, во время командованія арміею Барклаемъ доходилъ до обвиненія его въ трусости и даже измѣнѣ и съ затаеннымъ, злобнымъ недовѣріемъ относился къ его имени. Послѣ же Бородинскаго сраженія, по отзыву моего отца, когда Барклай возвращался шагомъ съ послѣдняго осмотра поля битвы, молчаливый и задумчивый по обыкновенію, всѣ части войскъ, мимо которыхъ приходилось ему проѣзжать, по собственному, неудержимому побужденію, привѣтствовали его единодушнымъ, громогласнымъ „ура“ какъ бы въ видѣ возмездія за тяготѣвшее надъ нимъ доселѣ несправедливое и обидное обвиненіе. Невольно при этомъ вспоминается чудное стихотвореніе Пушкина „Полководецъ“, какъ бы схватившее на лету именно этотъ моментъ въ жизни Барклая.

Дѣдушка Семенъ Ивановичъ съ двумя дочерьми Настасьею и Авдотьею переѣхали изъ Рязанскаго имѣнія с. Свинушекъ въ Тамбовскую свою деревню, село Токмаково, гдѣ и провели всю послѣдующую зиму. Вступленіе Наполеона въ Москву не сопровождалось для семьи отца никакимъ прямымъ имущественнымъ ущербомъ, потому что она обыкновенно проводила зиму въ наемныхъ домахъ и въ Москвѣ значительной собственности не имѣла. Но помню, что отецъ мой говаривалъ, что съ 1812 года начался постепенный упадокъ въ дѣлахъ дѣдушки, по управленію имѣніями и по подрядамъ, которые онъ имѣлъ съ казною. Семенъ Ивановичъ велъ винокуреніе въ обширныхъ размѣрахъ и поставлялъ вино въ казну, по подрядамъ интендантства. Въ это смутное время, когда всѣ подвозочныя средства центральныхъ мѣстностей были захвачены въ распоряженіе правительства для перевозки войскъ, провіанта, раненыхъ или забираемы частными лицами для выѣзда изъ Москвы, дѣдъ мой не могъ выставить къ назначенному сроку извѣстнаго количества вина и впослѣдствіи былъ подвергнутъ за это, хотя и невольное, нарушеніе контракта уплатѣ крупной неустойки и въ тоже время лишился естественно и значительной доли дохода. Это обстоятельство послужило началомъ къ постепенно возраставшимъ затрудненіямъ въ его дѣлахъ и въ

концѣ концовъ привело къ продажѣ съ публичнаго торга его любимыхъ Свинушекъ, купленныхъ откупщикомъ Рюминымъ. Когда младшіе сыновья его, Александръ, Михаилъ, Андрей и Сергѣй, постепенно поступили въ военную службу (и всѣ также, какъ и старшіе два брата, сперва въ конную гвардію), то старикъ, отпустивъ дочерей своихъ на постоянное жительство къ родной теткѣ ихъ (сестрѣ ихъ матери) старой дѣвицѣ Елисаветѣ Михайловнѣ Юрьевой въ Москву, самъ поселился въ имѣніи умершаго брата своего Василія Ивановича Калужской губ., Лихвинскаго у., въ с. Ржавцѣ и тихо оканчивалъ тамъ свое существованіе въ томъ строго-благочестивомъ настроеніи, о которомъ я уже упоминалъ выше. Вотъ приблизительно все, что я могъ запомнить изъ отрывочныхъ разсказовъ моего отца по этому поводу, къ чему могу еще присовокупить, что въ 1830-хъ годахъ старикъ только однажды рѣшился покинуть свое уединеніе и навѣстить дѣтей въ Петербургѣ. Въ то время дядя Аркадій былъ отцемъ многочисленнаго семейства, и отецъ мой былъ уже женатъ и, кажется, я только что успѣлъ появиться на свѣтъ Божій. Порадовавшись на дѣтей, изъ которыхъ старшій Аркадій уже занималъ видное мѣсто по Министерству Финансовъ, а Иванъ (отецъ мой) состоялъ въ свитѣ Е. И. В. генералъ-маіоромъ,—старикъ вернулся въ свое Ржавское уединеніе и въ томъ же году, въ самый день свѣтлаго праздника, тихо угасъ. Вслѣдствіе весенняго разлива рѣкъ, никто изъ его дѣтей не успѣлъ даже прибыть къ нему и находиться при его кончинѣ.

Возвращаюсь къ прерванной нити моего разсказа и прямо перехожу къ 1813 году и къ выступленію нашихъ силъ заграницу. Здѣсь самымъ крупнымъ явленіемъ, въ интересѣ моихъ записокъ и въ служебной карьерѣ моего отца, служитъ его назначеніе адъютантомъ при цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ. Это случилось, кажется, въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1813 г., и на другой же день отцу было приказано вступить въ дежурство. Въ то время адъютанты не имѣли особой формы и носили полковую; но требовался эксельбантъ и еще какія-то особенности, составляющія принадлежности адъютантскаго званія. Помню разсказъ отца, что дядя Аркадій нарочно поскакалъ въ какую-то другую часть войска, чтобы добыть у какихъ-то друзей необходимые предметы, и отецъ мой на слѣдующій день уже былъ дежурнымъ при своемъ шефѣ. Съ этой минуты благоволеніе великаго князя приняло окончательную, опредѣленную форму и оставалось неизмѣннымъ до самой его кончины. Лично на себѣ отецъ никогда не испытывалъ не только вспышекъ гнѣва и неудовольствія, но даже и тѣхъ своенравныхъ выходокъ, которыя составляли такую тяжелую сторону въ характерѣ Константина Павловича. Кромѣ справедливой оцѣнки всѣхъ положительныхъ достоинствъ и заслугъ моего отца, какъ всегда исправнаго и отличнаго офицера и какъ строгаго и неуклоннаго исполнителя всѣхъ возлагаемыхъ на него порученій, въ великомъ князѣ часто проглядывало какое-то, вообще несвойственное ему при-

страстіе къ своему юному адъютанту. Неоднократно, по отзыву отца, какое-нибудь мелкое обстоятельство, которое несомнѣнно вызвало бы бурю надъ головою провинившагося, сходило отцу съ рукъ совершенно благополучно. Случалось даже, хотя и рѣдко, что Константинъ Павловичъ какъ будто и самъ поражался своимъ послабленіемъ къ любимцу и тогда объяснялъ это тѣмъ, что отецъ никогда не старался скрывать своей вины и прямо въ ней сознавался. „Я знаю и увѣренъ", говаривалъ въ такихъ случаяхъ великій князь, „что у него *сзади* ничего нѣтъ и что онъ постоянно весь тутъ!" И дѣйствительно проницательнымъ начальникомъ была сразу подмѣчена отличительная черта въ характерѣ отца. Трудно себѣ вообразить подобное отсутствіе, такъ называемой „задней мысли" въ чемъ бы то ни было; всегда, всюду и во всемъ онъ былъ весь на лицо со всѣми его высокими и дурными свойствами, со всѣми его сочувствіями и нерасположеніями до того очевидными и прозрачными, что онъ бывало самъ смѣялся, когда мы приходили въ ужасъ отъ его слишкомъ явнаго подчасъ неодобренія какой-нибудь личности, которая ему не нравилась. Эта откровенность его, даже когда она явно не высказывалась и не могла высказываться, напримѣръ въ его отношеніяхъ къ великому князю, тѣмъ не менѣе такъ ясно выражалась на его лицѣ и на всей его фигурѣ, что Константинъ Павловичъ, неоднократно, когда ему приходилось читать это неодобреніе въ чертахъ моего отца, говаривалъ: „конечно вамъ это не нравится, прошу не прогнѣваться и пр." Но въ сущности онъ именно это свойство и цѣнилъ въ своемъ неустрашимомъ подчиненномъ.

Въ теченіи всей кампаніи 1813 г. любимымъ воспоминаніемъ отца было *Кульмское* сраженіе, которое онъ считалъ первымъ, безусловнымъ и безспорнымъ торжествомъ союзныхъ войскъ и съ котораго совершился окончательно поворотъ въ успѣхѣ оружія, приведшій насъ къ стѣнамъ Парижа. Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ останавливался на всѣхъ подробностяхъ этого славнаго дня и всего болѣе на той минутѣ, когда, при яркомъ солнечномъ освѣщеніи, императоръ Александръ, въ сопровожденіи великаго князя Константина Павловича и блестящаго штаба, спустился въ Кульмскую долину, и ему представили плѣннаго Вандама съ остатками его корпуса. Съ большимъ уваженіемъ говорилъ онъ о графѣ Остерманѣ, главномъ виновникѣ торжества и въ особенности о начальникѣ его штаба, знаменитомъ впослѣдствіи А. П. Ермоловѣ, которому всего болѣе принадлежала честь побѣды. Кульмскій крестъ свой отецъ мой цѣнилъ очень высоко и когда, будучи сенаторомъ въ Москвѣ, былъ переименованъ въ 1860-мъ г. изъ генералъ-лейтенантовъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, то постоянно продолжалъ носить его на фракѣ. Съ грустью вспоминаю, что въ 1863 г., когда отецъ мой еще не оправился отъ только что постигшаго его перваго удара, въ Бозѣ почившій императоръ Александръ Николаевичъ, находясь въ то время

въ Москвѣ, пожелалъ соединить за обѣдомъ во дворцѣ немногихъ, остававшихся въ живыхъ участниковъ Кульмскаго боя, по случаю наступившаго 14 Августа того года пятидесятилѣтія со дня этой побѣды. Помню, что мы скрыли это обстоятельство и самое приглашеніе на обѣдъ, чтобы не возбудить въ отцѣ волненія. Помнится, что, заканчивая свой разсказъ о славной побѣдѣ при Кульмѣ, отецъ говорилъ, что въ этотъ день Константину Павловичу съ его свитою былъ предложенъ для ночлега находящійся вблизи поля сраженія роскошный замокъ знатнаго Богемца князя Клари и что отцу моему пришлось расположиться одному въ огромной залѣ дворца, гдѣ ему поставили кровать и огородили ее ширмами. Цесаревичъ какъ-то случайно зашелъ въ эту залу, и его очень забавляла оригинальная отцовская спальня, причемъ онъ со смѣхомъ замѣтилъ: „Ну тебѣ, братецъ, здѣсь, кажется, не будетъ тѣсно!“ Вообще ощущалось всѣми, что съ Кульмскаго дѣла всѣ колебанія и сомнѣнія исчезли, и союзныя войска безостановочно стали подвигаться къ предѣламъ Франціи. „Съ особеннымъ интересомъ“, говаривалъ мой отецъ, „вступали мы въ этотъ край, прославленный столькими міровыми событіями, сперва революціонными и кровавыми во имя свободы, а вслѣдъ затѣмъ не менѣе кровавыми во имя деспотизма и цезаризма и, быть можетъ, вслѣдствіе этого ожиданія встрѣтить нѣчто необыкновенное, мы были на первый взглядъ чрезвычайно разочарованы.“ Большинство населенія поражало своею необразованностью (по сравненію съ Прирейнскою частью Германіи), матеріальною нуждою, неприглядностью и даже какимъ-то безучастіемъ къ совершающемуся разгрому. Уже и тогда, повидимому, всѣ жизненныя, государственныя силы Франціи были исключительно сосредоточены въ нѣсколькихъ крупныхъ, городскихъ центрахъ и преимущественно въ Парижѣ; такъ что наши войска встрѣчали повсюду на пути своемъ скорѣе тупое любопытство, чѣмъ ожесточеніе и ненависть. Замѣтны были усталость и уныніе, послѣ столькихъ жертвъ и утратъ; поражало отсутствіе молодежи, обращенной всецѣло въ знаменитую Наполеоновскую „chair à canon *)“ и, кромѣ правильныхъ сраженій и стычекъ съ отступавшими Французскими войсками, не было почти никакихъ столкновеній съ мѣстнымъ населеніемъ. Это явленіе несомнѣнно должно было поражать нашихъ воиновъ, столь недавнихъ очевидцевъ народнаго, поголовнаго движенія въ предѣлахъ нашего отечества въ только что минувшемъ 1812 г., въ этомъ единодушномъ взрывѣ народнаго негодованія со всѣми его тяжелыми и необузданными явленіями, но и со всѣми признаками непочатой силы и непоколебимой вѣры въ историческое призваніе.

Наконецъ, побѣдоносныя полчища Европейской коалиціи достигли Парижа, и 18-го Марта 1814 г. на высотахъ Монмартра состоялась знамени-

*) Мясо для пушекъ.

тая капитуляція, передавшая всемірную столицу во власть союзниковъ. По словамъ отца, въ эту ночь, понятно, никто не думалъ о покоѣ; солдаты занимались чисткою и возможнымъ исправленіемъ аммуниціи, приготовляясь къ торжественному вступленію въ городъ; офицеры и штабная молодежъ, сразу позабывъ о всѣхъ ужасахъ и тягостяхъ прожитаго прошлаго, готовились насладиться столь прославленными Парижскими наслажденіями; словомъ, это была одна изъ тѣхъ ночей, которыя никогда въ жизни не забываются. Бывало, уже на старости лѣтъ, отецъ мой аккуратно каждый годъ присутствовалъ 19-го Марта на обѣдѣ, который графъ Закревскій давалъ всѣмъ участникамъ этого славнаго дня, и отецъ возвращался оттуда въ такомъ ясномъ и бодромъ настроеніи духа, какъ бы переживая вновь свѣтлыя впечатлѣнія этого столь торжественнаго момента въ нашей исторіи.

По отзыву отца моего, самымъ замѣчательнымъ явленіемъ было тогдашнее отношеніе къ намъ Парижскаго населенія. Оно встрѣчало побѣдителей, какъ бы своихъ освободителей отъ тяжелаго ига, и въ особенности императоръ Александръ Павловичъ былъ предметомъ восторженныхъ привѣтствій. Отецъ разсказывалъ, между прочимъ, что былъ самъ очевидцемъ, какъ во время торжественнаго молебствія на площади Согласія, когда войска проходили мимо союзныхъ государей, толпы Парижанокъ окружили со всѣхъ сторонъ сидѣвшаго на конѣ Русскаго императора; онѣ съ наивнымъ любопытствомъ разсматривали его; а одна изъ нихъ, одобренная его привѣтливымъ и благодушнымъ видомъ, вскочила даже ногою въ его стремя, чтобы лучше разсмотрѣть всѣ подробности парада, такъ что Государь съ улыбкою на устахъ рукою поддержалъ ее, чтобы она не упала. Во всѣхъ магазинахъ появились немедленно не только портреты союзныхъ монарховъ, но даже разные предметы дамскаго туалета „à la Alexandre I-er, и Государь не могъ показаться на улицу безъ привѣтствій и восторговъ толпы. Особенное любопытство возбуждали въ Французахъ наши козаки; объ нихъ ходили преувеличенные, почти баснословные разсказы; впрочемъ, по словамъ отца, и самимъ Русскимъ представлялось какъ-то особенно страшнымъ, едва вѣроятнымъ, проходя аллеями Тюльерійскаго парка, натыкаться на казачьи пикеты. Но родному самолюбію нашему было очень лестно сознавать, какъ быстро исчезло въ Парижанахъ вообще недовѣріе къ предполагавшемуся варварству сѣверныхъ нашихъ богатырей. Назначенный губернаторомъ Парижа нашъ генералъ графъ Фабіанъ Вильгельмовичъ Сакенъ съумѣлъ вскорѣ вселить такое всеобщее къ себѣ уваженіе и довѣріе, что, бывало, когда онъ входилъ въ театръ, то, не смотря на присутствіе коронованныхъ особъ, публика вставала, чтобы почтить привѣтствіемъ маститаго воина и, какъ извѣстно, при отъѣздѣ его, Парижъ поднесъ ему великолѣпную почетную саблю.

Здѣсь мнѣ приходится опять повторить почти тоже, что было мною сказано о первыхъ годахъ службы моего отца въ Петербургѣ. Покуда союз-

ные монархи рѣшали судьбы Европы, молодой адъютантъ великаго князя (тогда 24 лѣтній юноша) предавался съ увлеченіемъ молодости всѣмъ прелестямъ Парижской жизни. Получивъ, кромѣ награды по службѣ, 800 червонцевъ наградныхъ денегъ, онъ, по собственному отзыву, оставилъ ихъ всѣ въ Парижѣ и вспоминалъ всегда съ особеннымъ удовольствіемъ о своей тамошней жизни. Между прочимъ вспоминается мнѣ, что, въ числѣ посѣщенныхъ имъ Парижскихъ достопримѣчательностей, забрелъ онъ съ молодыми товарищами къ знаменитой въ то время прорицательницѣ m-lle Le Normand. Отцу она при этомъ не сказала ничего особеннаго: „Votre vie ira son train, et je n'ai rien à vous prédire de particulier, jeune homme“ *). Но когда подошелъ къ ней одинъ изъ его товарищей, то она, взглянувъ на его руку, оттолкнула ее, какъ бы съ ужасомъ и отказалась предсказывать ему его судьбу. Понятно, что онъ сталъ настаивать, и вся молодежъ съ любопытствомъ окружила ее. Наконецъ, гадальщица уступила, долго вглядывалась и пробормотала: „Vous ne mourrez pas d'une mort naturelle!“—„Je serai tué à la guerre?“ спросилъ онъ.—„Non“.—Alors en duel?—Non, non, bien pire que cela; ne me questionnez plus; je ne vous dirai plus rien“ **), и съ этими словами она закрыла лицо руками. Этотъ молодой человѣкъ былъ *К. И. Рылѣевъ*, и только послѣ событій 14 Декабря, отецъ вспомнилъ про это предсказаніе, на которое въ то время ни самъ Рылѣевъ, ни прочіе не обратили особеннаго вниманія.

Императоръ Александръ изъ Парижа долженъ былъ ѣхать въ Лондонъ на свиданіе съ Великобританскимъ принцемъ-регентомъ, и отцу моему, горячо желавшему побывать при этой исключительной обстановкѣ въ Англіи, удалось испросить согласіе цесаревича на поѣздку туда въ свитѣ Государя. Но въ послѣднюю минуту Константинъ Павловичъ раздумалъ и, отправляясь самъ прямо въ Петербургъ, пожелалъ, чтобы и отецъ сопутствовалъ ему въ его поѣздкѣ. „Сперва мнѣ было очень досадно отказаться отъ своей мечты“, говаривалъ отецъ; „но я вскорѣ утѣшился, потому что нашъ пріѣздъ въ Петербургъ, въ роли побѣдителей, доставилъ намъ такой пріемъ, такія празднества и увеселенія, что пришлось вскорѣ вполнѣ примириться съ этою неудачею“.

Въ 1815 году цесаревичъ Константинъ Павловичъ назначенъ намѣстникомъ вновь образованнаго Царства Польскаго и вскорѣ отправился въ Варшаву, чтобы приступить къ организаціи Польской арміи и всего новаго порядка управленія. Но, отъѣзжая въ Варшаву, онъ въ тоже время естественно, съ живѣйшимъ интересомъ желалъ слѣдить за ходомъ дѣлъ на Вѣнскомъ

---

*) Жизнь ваша пойдетъ своимъ чередомъ, и мнѣ нечего предсказать вамъ особеннаго, молодой человѣкъ.

**) Вы не умрете естественною смертью.—Меня убьютъ на войнѣ?—Нѣтъ.—Такъ на поединкѣ?—Нѣтъ, нѣтъ, много хуже этого; не спрашивайте меня больше; я ничего вамъ не скажу.

конгрессѣ и съ этою цѣлью испросилъ соизволенія Государя Императора отцу моему оставаться при Государѣ въ Вѣнѣ, чтобы сообщать ему подробно о всемъ имѣющемъ совершиться въ его отсутствіе. Подобное порученіе какъ нельзя болѣе совпадало съ желаніями моего отца и кромѣ того свидѣтельствовало о довѣріи, которымъ онъ уже пользовался въ то время у своего взыскательнаго шефа.

Вскорѣ, къ прямому своему назначенію отцу моему пришлось присоединить еще и другое порученіе. Между прочимъ возникъ вопросъ о формированіи Польской арміи и, не взирая на вполнѣ искренній эптузіазмъ Поляковъ въ то время и на желаніе ихъ доказать преданность и усердіе своему новому и великодушному монарху, представлялось неудобнымъ и нежелательнымъ образовать Польскую армію исключительно изъ однихъ національныхъ элементовъ. Вслѣдствіе этого и была образована въ Вѣнѣ особая коммиссія изъ нѣсколькихъ военныхъ лицъ, которымъ поручено было заняться составомъ будущей Польской арміи, со включеніемъ въ нее разныхъ частей Русскихъ войскъ, изъ тѣхъ корпусовъ и дивизій, которые и въ прежнее время находились въ Польшѣ или на ея границѣ и болѣе знакомы были съ мѣстными условіями и Польскимъ нарѣчіемъ. Кто были остальные члены коммиссіи, не упомню; знаю только, что и мой отецъ былъ включенъ въ ея составъ и во все время своей жизни въ Вѣнѣ принималъ дѣятельное участіе въ ея занятіяхъ. Засѣданія коммиссіи происходили во дворцѣ, въ одной изъ залъ, прилегающихъ къ внутреннимъ покоямъ Александра Павловича. На большихъ столахъ были разложены подробныя карты Царства Польскаго, съ обозначеніемъ мельчайшихъ пунктовъ и мѣстностей, гдѣ предполагалось размѣщеніе войскъ. На эти карты накалывались булавки съ разноцвѣтными головками, при чемъ цвѣтъ обозначалъ національность тѣхъ войскъ, которыя должны были входить въ составъ каждой размѣщаемой группы. Государь часто заходилъ лично въ эту залу, чтобы наблюдать за ходомъ занятій, и отецъ разсказывалъ, что однажды, въ одинъ особенно жаркій и грозный вечеръ, Государь удивлялся, какъ можно было заниматься въ этой душной атмосферѣ и прямо приказалъ всѣмъ присутствующимъ не только растегнуть, но и совсѣмъ снять долой сюртуки.

При этомъ отецъ говаривалъ, что, при всей своей молодости, онъ очень хорошо сознавалъ всю личную отвѣтственность при этихъ занятіяхъ по отношенію въ великому князю. Естественно, что въ будущемъ, при приведеніи въ исполненіе этихъ предположеній коммиссіи, ему, какъ адъютанту цесаревича и бывшему члену коммиссіи, всего болѣе придется трудиться надъ этимъ дѣломъ. „Я очень хорошо зналъ“, присовокуплялъ отецъ, „что всякое затрудненіе, встрѣчаемое при выполненіи этого плана на мѣстѣ, неизбѣжно будетъ срываться Константиномъ Павловичемъ на мнѣ“.

Государь, неоднократно заходя въ залу коммиссіи, не смотря на обычное ему благодушіе и умѣніе владѣть собою, выражалъ на лицѣ своемъ слѣды не только утомленія, но и раздраженія. Стали ходить слухи, что на конгрессѣ онъ уже не всегда встрѣчалъ прежнее безусловное согласіе на всѣ его намѣренія и предложенія, что князь Меттернихъ начиналъ часто возбуждать возраженія и затрудненія и даже Талейранъ, представитель Франціи, сталъ забывать, чѣмъ она была обязана личному участію и вмѣшательству императора Александра. „Однажды", разсказывалъ отецъ, „Государь взошелъ въ нашу залу съ какимъ-то особенно озабоченнымъ видомъ и, по выслушаніи нѣкоторыхъ словесныхъ докладовъ о нашихъ занятіяхъ, обратился ко мнѣ со словами: „Тимирязевъ, завтра я отправляю тебя къ брату въ Варшаву; всѣ нужные пакеты и депеши ты получишь отъ Волконскаго; а завтра утромъ зайди ко мнѣ, и я тебѣ дамъ еще письмо къ великому князю." Я поклонился, и Государь прошелъ въ свой кабинетъ. На другой день, когда я явился откланиваться, Александръ Павловичъ, передавая мнѣ собственноручное письмо къ цесаревичу, присовокупилъ: „И повтори еще брату отъ меня, чтобы, при первомъ отсюда распоряженіи, армія была готова къ выступленію". „Помню очень хорошо", продолжалъ отецъ, „что эти слова тогда же сильно меня поразили и возбудили необъяснимое недоумѣніе. О какомъ выступленіи арміи могла быть рѣчь послѣ только что такъ блистательно и такъ повидимому безповоротно оконченнаго похода, когда единственный нарушитель Европейскаго равновѣсія находился въ отдаленной, почетной ссылкѣ, и всѣ державы жаждали прочнаго и долгаго покоя? Понятно, что я не могъ дать самому себѣ никакого отвѣта на этотъ вопросъ и не счелъ себя въ правѣ сообщать кому бы то ни было о своемъ недоразумѣніи. Я выполнилъ данное мнѣ порученіе и затѣмъ уже былъ оставленъ великимъ княземъ въ Варшавѣ. По истеченіи очень недолгаго времени, сколько мнѣ помнится, отъ 10 дней до двухъ недѣль, въ то время, когда мы всѣ присутствовали въ дворцовой церкви на молебствіи по случаю годовщины какой-то побѣды Русскаго оружія, въ церкви распространился слухъ, что прибылъ курьеръ изъ Вѣны, что Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы, высадился въ Капнѣ и что наша армія должна немедленно выступать." „Тогда только", продолжалъ мой отецъ, „выяснилось мнѣ значеніе словъ Государя, при отправленіи меня въ Варшаву, и чѣмъ болѣе я останавливался на этомъ предметѣ, тѣмъ несомнѣннѣе мнѣ представлялось, что когда Александръ Павловичъ произносилъ при мнѣ эти слова, онъ уже зналъ о намѣреніи Наполеона покинуть островъ Эльбу. Въ то время нашимъ военнымъ агентомъ при низложенномъ Французскомъ императорѣ состоялъ флигель-адъютантъ Чернышовъ (впослѣдствіи князь и предсѣдатель Государственнаго Совѣта) и, во время моего пребыванія въ Вѣнѣ, мнѣ было извѣстно, что Государь весьма часто получалъ отъ Чернышова секретныя донесенія, оставшіяся тайною для всѣхъ. Во мнѣ вкоренилось убѣжденіе, что Але-

ксандръ Павловичъ не только зналъ, но ожидалъ попытки Наполеона вернуться во Францію, и даже не находилъ нужнымъ, въ данную минуту, принимать противъ этого какихъ-либо мѣръ. Вспоминая про то раздраженіе и недовольство, которое весьма часто высказывалось Государемъ по поводу происходившаго въ засѣданіяхъ конгресса, мнѣ думается, что онъ дозволялъ событіямъ развиваться естественнымъ путемъ, предоставляя себѣ право послѣдняго слова, когда наступитъ окончательная развязка. Опасаться чего либо существеннаго для общаго мира Европы отъ возвращенія Наполеона едвали было возможно, тѣмъ болѣе, что успѣхъ этого безумнаго предпріятія оказался впослѣдствіи совершенною неожиданностью для самаго Бонапарта, а между тѣмъ вновь наступившая тревога могла возстановить всецѣло ослабѣвшее нѣсколько первостепенное значеніе Россіи въ вопросахъ Европейской политики. Подобныя предположенія, основанныя чисто на собственномъ, инстинктивномъ убѣжденіи, естественно никогда не могли быть провѣрены мною какими-либо фактами или свѣдѣніями; самый характеръ ихъ былъ таковъ, что мнѣ въ то время и не могло даже прійти въ голову коснуться ихъ въ разговорѣ съ кѣмъ-либо. Но тѣмъ не менѣе во мнѣ самомъ это убѣжденіе осталось неизмѣннымъ".

Таковъ былъ приблизительно разсказъ моего отца, и даже въ то время, когда я его слышалъ отъ него (лѣтъ 30 спустя) чувствовалось, что это заключеніе не было результатомъ послѣдующаго, зрѣлаго размышленія; то былъ прямой выводъ минуты, невольно вытекающій изъ сопоставленія тѣхъ обстоятельствъ, которыя послѣдовательно развивались. Мнѣ не случалось никогда и нигдѣ читать и намека на подобное разъясненіе этого событія; но тѣмъ не менѣе я не счелъ возможнымъ не остановиться на немъ, потому что отецъ довольно подробно коснулся его въ своемъ разсказѣ и, быть можетъ, это поведетъ къ выясненію хода тогдашнихъ дѣлъ.

Событія 1815 года, завершенныя вторичнымъ съѣздомъ союзныхъ монарховъ въ Вѣнѣ, послѣ отреченія и ссылки Наполеона на островъ св. Елены, не ознаменованы въ моей памяти никакими особенными эпизодами въ личныхъ воспоминаніяхъ моего отца. Съ того времени наступаетъ для него продолжительный, почти десятилѣтній періодъ жизни въ Варшавѣ, въ званіи адъютанта великаго князя. Весьма трудно связать во едино и изложить въ нѣкоторой послѣдовательности тѣ отрывочные разсказы, которые приходилось мнѣ, такъ сказать, вытягивать изъ моего несловоохотливаго старика, и потому постараюсь лишь отмѣтить здѣсь отдѣльные штрихи, набросанные имъ съ свойственною ему рельефностью, излагая ихъ по мѣрѣ того, какъ они будутъ возникать въ моей памяти.

Такъ, между прочимъ, отецъ говорилъ, что Польскіе генералы, въ то первое время предполагавшагося возрожденія Польши, съ искреннимъ рвеніемъ приступили къ формированію и обученію войска и, зная, что цесаревичъ необыкно-

венно строгъ и взыскателенъ, изъ кожи лѣзли, чтобы ему угодить. Всѣ эти Хлопицкіе, Красинскіе, Курнатовскіе по два раза въ день выводили полки на городскія площади и производили долгія ученія, чтобы предстать съ честью на смотръ великаго князя. А между тѣмъ виновникъ всѣхъ этихъ хлопотъ относился къ этому по своему. Обѣдалъ онъ постоянно въ 3 часа, потомъ немного отдыхалъ, и въ 5 часовъ отправлялся кататься по городу съ дежурнымъ адъютантомъ. При этомъ никогда не было заранѣе извѣстно, какъ и въ чемъ онъ желаетъ выѣхать; но когда онъ выходилъ въ аванзалу, бралъ фуражку и начиналъ надѣвать перчатки, то объявлялъ, что ѣдетъ: въ коляскѣ, въ кабріолетѣ или верхомъ. Все это заранѣе держалось наготовѣ, и когда онъ сходилъ съ крыльца, потребованное уже должно было находиться у подъѣзда. При малѣйшемъ замедленіи, шталмейстеръ его Мих..... предпочиталъ уйти, чтобы не подвергнуться послѣдствіямъ минутной, но небезопасной вспышки. Проѣзжая по площадямъ, гдѣ происходили ученія, великій князь приказывалъ остановиться; генералъ подбѣгалъ къ экипажу, вытягивался подъ козырекъ, и начинался приблизительно слѣдующій разговоръ: „Qu'est-ce que vous faites-ici?“— „Nous exerçons, monseigneur!“—„Vous exercez! Est-ce que vous savez ce que c'est que des exercices militaires? Je ne sais pas, par quoi j'ai mérité cette punition de devoir commander à des ignares pareils! [1]) Пошелъ!“

И такимъ образомъ переѣзжали на другую площадь, и повторялось болѣе или менѣе тоже самое [2]).

Вотъ, бывало, въ подобныхъ случаяхъ, происходило то, о чемъ я уже упоминалъ выше. Покосившись на безмолвно-краснорѣчивый протестъ своего правдиваго адъютанта, онъ иногда проговаривалъ: „*Вамъ* (онъ всегда говорилъ *вы*, когда сердился) это, кажется, не нравится.“ Отецъ тогда позволялъ себѣ заявить, что по его мнѣнію они ужасно стараются угодить и заслуживаютъ во всякомъ случаѣ ободряющаго слова. „Вамъ такъ кажется, позвольте же мнѣ лучше знать!“ Отецъ при этомъ говорилъ, что это именно происходило въ то время, когда вся наша армія находилась еще за границею въ походѣ и Польша была предоставлена совершенно собственнымъ силамъ. И

---

[1]) Что вы тутъ дѣлаете?—Учимся, ваше высочество. — Учитесь! Да знаете ли вы что такое воинское ученье? Не знаю, чѣмъ я заслужилъ это наказаніе командовать подобными невѣжами.

[2]) Страсть къ воинскому ученью, ко всевозможнымъ выправкамъ, выпушкамъ и всяческой муштрѣ была несчастною слабостью въ этомъ человѣкѣ, отъ природы добромъ и великодушномъ. Эту страсть безуспѣшно преодолѣвала въ немъ его державная бабка. По ея приказанію однажды выставлены были у его подъѣзда всѣ дворцовые трубочисты съ метлами. На вопросъ удивленнаго юноши, возвращавшагося домой съ прогулки, отвѣчали ему: „Это для васъ, по приказанію бабушки. Не угодно ли съ ними играть?“ (Слышано отъ старыхъ людей). Великій князь Константинъ Павловичъ былъ человѣкъ не только добросердечный, но образованный и любознательный. О томъ свидѣтельствуютъ письма его къ маркизѣ Декюбьеръ и къ графу Васильеву. (Русскій Архивъ 1870 и 1882). П. Б.

тотъ же великій князь, 15 лѣтъ спустя, до того привязался къ Полякамъ, что во время Польскаго возстанія покинулъ Варшаву во главѣ всѣхъ Русскихъ войскъ, чтобы не сдѣлать ни одного выстрѣла и не пролить ни одной капли столь дорогой ему Польской крови! Какъ объяснить это противорѣчіе, тѣмъ болѣе, что, любя ихъ искренно, онъ все время, до конца своего пребыванія между ними, на каждомъ шагу ихъ раздражалъ. Впрочемъ, къ этому отецъ прибавлялъ всегда, что всѣ тяжелые, подчасъ даже жестокіе инстинкты Константина Павловича обнаруживались исключительно при видѣ воинскаго фронта: тогда онъ мгновенно весь преображался; глаза загорались, дыханіе спиралось, и онъ просто дрожалъ отъ волненія. Требованія его были настолько строги и педантичны, что почти ни одного ученія не обходилось безъ нѣкоторыхъ замѣшательствъ, и тогда уже горе провинившимся!

И тотъ же человѣкъ возвращался домой и садился за столъ самымъ радушнымъ, внимательнымъ и любезнымъ хозяиномъ, такъ что даже, когда ему въ разговорѣ случалось невольно прервать чью-нибудь рѣчь, то онъ немедленно останавливался и извинялся. Бывали случаи, что и въ пылу негодованія, передъ фронтомъ, онъ приходилъ въ себя, и съ возвращающимся сознаніемъ немедленно проявлялись присущія ему великодушныя, почти рыцарскія свойства.

Здѣсь представляется умѣстнымъ привести одинъ эпизодъ, разсказанный мнѣ отцомъ моимъ, по поводу умѣнія великаго князя поправлять свои невольныя увлеченія. Отецъ былъ какъ-то командированъ въ одинъ изъ Польскихъ городовъ (какой, не упомню) гдѣ была собрана вновь образованная изъ разныхъ сводныхъ частей драгунская, кавалерійская дивизія, поступавшая подъ начальство великаго князя. Отцу было поручено осмотрѣть ее подробно во всѣхъ частяхъ, подучить и подготовить по возможности къ августѣйшему смотру и донести, въ какомъ положеніи онъ ее найдетъ. Прибывъ къ мѣсту назначенія, онъ нашелъ эти полки въ весьма неудовлетворительномъ во всѣхъ отношеніяхъ состояніи. Главною тому причиною было, что эта дивизія была вновь образована изъ драгунскихъ частей взятыхъ по разнымъ кавалерійскимъ полкамъ, расположеннымъ въ южной части Россіи, по возвращеніи съ похода. Весьма естественно, что каждый полковой командиръ, которому приказано было выдѣлить изъ своего полка часть людей и лошадей для сформированія этого своднаго войска, отсылалъ туда все, что у него было похуже и отъ чего ему желательно было избавиться или, по меньшей мѣрѣ, чего ему менѣе было жалко. Лошади были замореныя, мало выѣзженныя, люди недостаточно обученные, плохо обмундированные, полки въ своемъ новомъ составѣ не привыкшіе къ своему новому строю—словомъ, вся дивизія требовала времени и ремонта въ людяхъ и лошадяхъ, чтобы явиться на какой бы то ни было смотръ вообще и уже подавно, чтобы предстать предъ грозныя очи своего новаго верховнаго командира. Изъ четырехъ полковъ лучшимъ ока-

зался первый полкъ, которымъ командовалъ полковникъ Бартоломей—толстый, неуклюжій, но въ высшей степени добросовѣстный и опытный кавалеристъ. Онъ уже успѣлъ хоть нѣсколько подкормить лошадей, подтянуть солдатъ и придать имъ нѣкоторый видъ регулярнаго строя. Отецъ провозился съ этою дивизіею недѣли двѣ, стараясь посвятить ее по возможности во всѣ тонкости ожидавшихъ ихъ требованій, и затѣмъ вернулся въ Варшаву. Докладывая великому князю о результатѣ своей поѣздки, отецъ не скрылъ отъ него печальнаго состоянія, въ которомъ онъ нашелъ это войско, объяснивъ, что нынѣшніе командиры за него не отвѣтственны и закончилъ свое подробное донесеніе заявленіемъ, что первый полкъ относительно еще гораздо лучше остальныхъ. „А кто имъ командуетъ?“ спросилъ великій князь.—„Полковникъ Бартоломей“.—„Какой вздоръ!“ воскликнулъ Константинъ Павловичъ; „можетъ-ли быть что-нибудь хорошее у этого толстяка?“—„Полкъ его положительно лучше другихъ“, повторилъ отецъ, „какъ вы сами изволите въ томъ убѣдиться на смотру“.—„Не можетъ быть“, отрѣзалъ великій князь и заговорилъ о другомъ. Наступилъ, наконецъ, день грознаго смотра и началось дефилированіе полковъ новой драгунской дивизіи передъ цесаревичемъ. Избалованный выправкою и щеголеватымъ видомъ не только гвардейскихъ полковъ, но и армейскихъ войскъ, усвоившихъ издавна всѣ тончайшія условія его взыскательныхъ требованій, великій князь, хотя и подготовленный моимъ отцемъ, естественно пришелъ въ ужасъ отъ того, что̀ предстало его очамъ. Онъ пропускалъ мимо себя ряды за рядами въ мрачномъ молчаніи, не здороваясь по обыкновенію съ людьми и, когда прошелъ первый полкъ, остановилъ рукою дальнѣйшее движеніе и, среди воцарившагося мертвеннаго молчанія и какого-то всеобщаго оцѣпененія, подозвалъ полковаго командира и, остановивши на немъ свой насмѣшливый взоръ, произнесъ: „Удивляюсь, полковникъ, какъ вамъ могла прійти въ голову мысль, что вы можете служить со мною. Вложите свою шпагу и извольте ѣхать куда вамъ угодно“. Бѣдный Бартоломей молча повернулъ свою лошадь и отъѣхалъ. Смотръ возобновился. По мѣрѣ того, какъ проходилъ второй полкъ въ несравненно худшемъ видѣ, чѣмъ первый, великій князь все болѣе и болѣе хмурился и, наконецъ, не вытерпѣлъ и подозвалъ отца. „Ты былъ правъ; первый полкъ все-таки лучше другихъ; пошли вернуть Бартоломея.“ Когда вся дивизія прошла и появился Бартоломей, великій князь подъѣхалъ къ нему, протянулъ ему руку и при всѣхъ громогласно произнесъ: „Прошу у васъ извиненія, полковникъ; я погорячился и сочту за особенное удовольствіе служить съ вами“.

Подобная черта искупаетъ много тяжелыхъ минутъ и для подобныхъ характеровъ имѣетъ большое значеніе.

Въ 1816 году императоръ Александръ посѣтилъ Варшаву и пробылъ тамъ довольно долго. Понятно, что Государь, въ угоду великому князю, все хвалилъ, всѣмъ оставался доволенъ, и кромѣ того военная часть въ отно-

шеніи смотровъ и маневровъ была дѣйствительно доведена цесаревичемъ до совершенства. Тѣмъ не менѣе, онъ, по своему тревожному, нервному характеру, еще задолго до пріѣзда Государя, начиналъ такъ волноваться въ своихъ приготовленіяхъ къ встрѣчѣ, что по отъѣздѣ Императора, всякій разъ просовывалъ кулакъ подъ талію сюртука и мундира, чтобы показать, насколько онъ похудѣлъ за это время. Къ этому волненію, присущему его природѣ, примѣшивалась, по мнѣнію отца, извѣстная доля отвлеченнаго, такъ сказать, рыцарскаго сознанія, что онъ, какъ братъ Государя, могъ расчитывать на полнѣйшее снисхожденіе въ могущимъ встрѣтиться неисправностяхъ и что именно, во имя этого преимущества, чувство деликатности обязывало его быть тѣмъ исполнительнѣе и исправнѣе въ служеніи престолу и отечеству. Вотъ почему онъ въ подобныхъ случаяхъ какъ будто хвастался тѣмъ, что худѣлъ отъ тревоги и этимъ способомъ невольно зажималъ рты всѣмъ его окружающимъ, которыхъ сбивалъ съ ногъ своимъ волненіемъ. „Мыслимо ли было намъ“, говаривалъ отецъ, „жаловаться на усталость и суматоху, когда братъ Государя не зналъ минуты покоя въ его присутствіи и дрожалъ, какъ послѣдній ротный командиръ, на смотрахъ при мысли, что какое-нибудь построеніе не совсѣмъ удастся.“

Въ этотъ пріѣздъ двора въ Варшаву, случился эпизодъ, весьма знаменательный въ службѣ моего отца и достойный упоминанія главнымъ образомъ потому, что онъ характеризуетъ весьма рельефно отношенія великаго князя къ его подчиненнымъ. Вотъ что говорилъ объ этомъ мой отецъ.

„Наступилъ послѣдній день пребыванія Александра Павловича въ Варшавѣ. Вечеромъ городомъ давался роскошный балъ въ честь державнаго гостя. Государь былъ очень въ духѣ, любезенъ со всѣми, танцовалъ „тампетъ“ и, уѣхавъ съ бала, не ложился спать, разрѣшилъ еще всѣ послѣдніе доклады и представленія цесаревича, сѣлъ въ коляску и отправился въ обратный путь въ Петербургъ. Между прочимъ на балѣ Государь подходилъ и ко мнѣ и сказалъ мнѣ приблизительно слѣдующее: „Всякій разъ братъ мой все болѣе и болѣе доволенъ твоею службою; благодарю тебя“. Столь милостивыя слова были настолько лестны и пріятны, что я счелъ себя съ избыткомъ вознагражденнымъ за всѣ утомительныя хлопоты послѣднихъ дней. Когда Государь съ великимъ княземъ уѣхали съ бала, мы всѣ тоже немедленно воспользовались свободою и разъѣхались по домамъ. Зная, что нашъ гость долженъ въ туже ночь выѣхать, я съ наслажденіемъ раздѣлся, легъ и тотчасъ уснулъ богатырскимъ сномъ. Не прошло и часа времени, какъ вбѣжалъ мой человѣкъ и объявилъ, что великій князь меня требуетъ. Раздраженный и недовольный вскочилъ я съ постели, наскоро одѣлся и отправился во дворецъ. Меня прямо провели въ уборную, гдѣ я засталъ Константина Павловича въ креслѣ, въ бѣломъ какъ снѣгъ пикейномъ халатѣ, съ сигарою во рту и въ необыкновенно-веселомъ настроеніи духа. „Фи, какая заспанная фигура!“ встрѣтилъ онъ меня; „какъ

ты думаешь, зачѣмъ я тебя вызвалъ?“—„Не могу знать, ваше высочество“. —„Ну однако?“—„Вѣроятно какая-нибудь командировка“.—„Ошибся“, воскликнулъ великій князь, видимо наслаждаясь моимъ недоумѣніемъ и, помучивъ меня еще нѣсколько вопросами, вдругъ объявилъ: „Вотъ зачѣмъ!“ и съ этими словами вынулъ изъ-подъ полы своего халата пару полковничьихъ эполетъ. Сюрпризъ былъ дѣйствительно неожиданный, тѣмъ болѣе, что прошло не болѣе одного года, какъ я былъ произведенъ въ ротмистры; но все значеніе этой награды заключалось именно въ этомъ сердечномъ способѣ ея осуществить. Видимо, Константину Павловичу доставляло такое искреннее удовольствіе порадовать своего адъютанта этою неожиданною монаршею милостью, что онъ не могъ выдержать до слѣдующаго утра и, пославъ тотчасъ по отъѣздѣ Государя за эполетами, придумалъ всю эту обстановку. На другой день я уже явился на дежурство въ полковничьихъ эполетахъ, къ немалому изумленію всѣхъ моихъ товарищей и сослуживцевъ.“ Таковъ былъ разсказъ моего отца, и нельзя при этомъ не поражаться тѣмъ контрастомъ свойствъ, которыя могутъ уживаться въ одной и той же натурѣ человѣческой. И ни въ комъ подобныя противорѣчія не встрѣчались въ такомъ изобиліи, какъ въ цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ. Но при этомъ, по отзыву отца, сердечныя движенія въ немъ всегда были вполнѣ сознательны, тогда какъ его вспышки гнѣва и ярости весьма часто были результатомъ минутнаго полнѣйшаго самозабвенія и отсутствія всякаго сознанія, и самые ихъ размѣры, не соотвѣтствовавшіе нисколько ничтожности вызвавшихъ ихъ поводовъ, свидѣтельствовали подчасъ о какой-то дѣйствительной, почти психической невмѣняемости.

Θ. Тимирязевъ.

(Продолженіе будетъ).

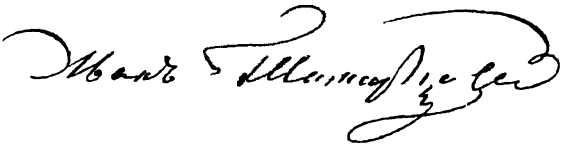
СТРАНИЦЫ ПРОШЛАГО *).

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ все болѣе и болѣе привыкалъ и привязывался къ своей дѣятельности и къ своей Варшавской обстановкѣ; ему уже трудно было измѣнять ее, и онъ весьма неохотно ѣздилъ въ Петербургъ, даже на самый короткій срокъ. Обыкновенно онъ отправлялся туда лѣтомъ къ 22-му Іюля, ко дню Ангела матери своей вдовствующей Императрицы Маріи Ѳедоровны и, тотчасъ послѣ Петергофскихъ праздниковъ, спѣшилъ обратно въ Варшаву. Большею частью онъ проживалъ въ Стрѣльнѣ, избѣгалъ по возможности всякихъ торжественныхъ пріемовъ, видимо тяготился уже чуждою ему придворною сферою и почти исключительно посвящалъ себя присутствованію при лагерныхъ ученіяхъ и маневрахъ и при смотрахъ тѣхъ гвардейскихъ частей, которыхъ онъ числился шефомъ. „Насъ подчасъ удивляло", говаривалъ отецъ, „что Великій Князь, столь ревнивый въ исполненіи своихъ обязанностей, постоянно повторявшій, что онъ первый изъ вѣрноподданныхъ Государя и какъ таковой обязанъ показывать на себѣ примѣръ неуклоннаго выполненія долга, живучи въ Петербургѣ, какъ будто находился въ какомъ-то раздраженномъ, недовольномъ состояніи. Это насъ тѣмъ болѣе поражало, что, начиная съ Государя Александра Павловича и обѣихъ Императрицъ, всѣ безъ исключенія старались угодить ему и предусмотрѣть все, что̀ можетъ ему быть пріятнымъ. Это вниманіе естественно распространялось и на всѣхъ его окружающихъ, и мы всѣ очень любили эти поѣздки, гдѣ насъ баловали и ласкали, какъ почетныхъ гостей. Такъ напримѣръ, въ одинъ изъ таковыхъ пріѣздовъ, въ угоду Константину Павловичу, я былъ назначенъ, во время Петергофскихъ празднествъ, Петергофскимъ комендантомъ и помню, что это лестное для меня отличіе было въ тоже время сопряжено съ

---

*) См. выше, т.-е. стр. 155.

Фото-Гравюра Шерера, Набгольца и К° въ Москвѣ.



такою усталостью и денною, и ночною отвѣтственностью за исправность постовъ и карауловъ, что мнѣ случалось въ полномъ мундирѣ засыпать мертвымъ сномъ на четверть часа на креслѣ или въ придворной линейкѣ, во время катанія по иллюминованнымъ аллеямъ Петергофскаго парка. Уже многіе годы спустя, послѣ цѣлаго ряда послѣдующихъ событій, при воспоминаніи объ этомъ особенномъ и въ то время необъяснимомъ настроеніи Константина Павловича, для меня постепенно выяснялось, что въ царской семьѣ тогда уже по всей вѣроятности обсуждался вопросъ объ измѣненіи порядка престолонаслѣдія, и рожденіе 17-го Апрѣля 1818 года въ Бозѣ почившаго Императора Александра Николаевича послужило новымъ основаніемъ къ осуществленію намѣренія Императора Александра I-го назначить наслѣдникомъ престола Великаго Князя Николая Павловича.—„Я твердо убѣжденъ", говаривалъ отецъ, „что Цесаревичъ и самъ сознавалъ всю настоятельность этой государственной мѣры, что онъ искренно тяготился сознаніемъ, что ему можетъ предстоять въ близкомъ будущемъ эта непосильная, великая задача, и онъ вполнѣ сознательно отъ нея отрекался; но въ тоже время весьма естественно, что это сознаніе совершалось въ немъ не безъ внутренней борьбы, и это самовольное отреченіе давало себя всего болѣе чувствовать, когда онъ появлялся въ семьѣ и въ Петербургской обстановкѣ. Только послѣ брака съ княгинею Ловичъ это бремя какъ-бы окончательно спало съ его плечъ. Безповоротно обезпечивъ себя отъ возможности какой либо перемѣны, онъ совершенно вернулся къ прежнему своему настроенію и предался съ обычнымъ пыломъ и увлеченіемъ за военныя упражненія, за солдатскую выправку, за распеканія и за все то, что́ преимущественно поглощало его вниманіе. Предоставленный вполнѣ самому себѣ, онъ въ послѣдніе годы царствованія Александра Павловича все менѣе и менѣе стѣснялся въ своихъ дѣйствіяхъ, и для такихъ порывистыхъ, необдуманныхъ и страстныхъ натуръ, какъ его, эта совершенная безотвѣтственность была крайне вредна. Отвыкая постепенно отъ всякаго не только противорѣчія, но и возраженія противъ его воли, онъ безпрепятственно предавался своимъ своенравнымъ вспышкамъ и, оставаясь добрымъ и даже великодушнымъ по природѣ, подчасъ доходилъ до такихъ увлеченій, которыя ложились всею своею тяжестью не только на непосредственныя жертвы его гнѣва, но и на всѣхъ его окружающихъ.

Отецъ неоднократно повторялъ, что при чувствѣ глубочайшей и искреннѣйшей преданности къ Великому Князю за его несомнѣнное, сердечное къ нему благоволеніе, онъ начиналъ поневолѣ тяготиться этимъ положеніемъ постояннаго свидѣтеля всѣхъ его вспышекъ и очевидца того неудовольствія, которое онѣ возбуждали вокругъ него. Послѣ восьми слишкомъ лѣтъ личной службы, въ званіи адъютанта, отецъ ожидалъ лишь первой возможности, чтобы выйти изъ этого положенія и покинуть Варшаву.

Въ 1823 году этотъ случай внезапно представился, и онъ упорно за него ухватился, чтобы осуществить свое давнишнее желаніе. Одинъ изъ младшихъ братьевъ моего отца, Александръ, служилъ въ то время въ Литовскомъ полку и по молодости лѣтъ совершилъ какой-то проступокъ, подлежавшій по своему свойству простому дисциплинарному взысканію. Неизвѣстно по какимъ причинамъ, по навѣту-ли образовавшейся постепенно вокругъ Цесаревича тайной полиціи или по какому либо другому поводу, но вмѣсто ожидавшагося ареста, дядя мой Александръ Семеновичъ прямо былъ посаженъ въ крѣпость, и наряжено формальное слѣдствіе. Отецъ мой, слѣдившій внимательно за этимъ дѣломъ и съ свойственною ему строгостью и безпристрастіемъ готовый отступиться отъ самаго близкаго ему человѣка, если онъ признавалъ его виновнымъ, въ данномъ случаѣ видѣлъ, что этимъ дѣломъ руководила какая-то подпольная интрига и, подъ вліяніемъ давно уже созрѣвавшаго намѣренія, немедленно подалъ въ отставку и просилъ генерала Куруту (ближайшую къ Великому Князю личность) доложить Его Высочеству, что, въ виду тяжкаго обвиненія, неповинно взведеннаго на его молодаго брата, онъ оставаться въ службѣ не можетъ. Курута нѣсколько дней не рѣшался доложить объ этомъ Константину Павловичу; а тѣмъ временемъ дѣло вполнѣ разъяснилось, дядя изъ крѣпости выпущенъ, съ увѣреніемъ, что это не будетъ имѣть никакого дурнаго вліянія на его послѣдующую службу. Но отецъ мой настоялъ на своемъ, и отставка его была принята. Когда отецъ черезъ г. Куруту хотѣлъ узнать, когда Его Высочеству угодно будетъ принять его, чтобы проститься съ нимъ, то Великій Князь, подумавъ немного, отвѣчалъ: „Не надо, пусть уѣзжаетъ; я не могу его видѣть!“

Такимъ образомъ совершилось разставаніе этихъ двухъ личностей, столь долго связанныхъ судьбою, и отецъ мой, оставляя Варшаву, никакъ не предполагалъ, что ему предстоитъ вновь вернуться туда и возобновить отношенія къ Великому Князю.

Находясь въ отставкѣ, онъ ѣздилъ навѣщать отца и сестеръ въ Тамбовское имѣніе; побывалъ у дяди Василія Ивановича въ селѣ Ржавцѣ, но болѣе всего прожилъ въ Москвѣ, и къ этой эпохѣ главнымъ образомъ относится его сближеніе со многими видными дѣятелями того времени и съ избраннымъ кружкомъ нашихъ великихъ поэтовъ и литераторовъ. Князь П. А. Вяземскій жилъ въ то время въ Москвѣ и, находясь съ нимъ въ самыхъ искреннихъ и дружескихъ отношеніяхъ, отецъ мой сблизился съ Жуковскимъ, Пушкинымъ, съ дядею его Василіемъ Львовичемъ, съ Соболевскимъ, съ графомъ Толстымъ (Американцемъ), Нащокинымъ, Денисомъ Давыдовымъ и съ блестящею молодежью того времени. Особенно цѣнилъ онъ и дорожилъ отношеніями къ Вяземскому, Пушкину и Жуковскому. Онъ часто говаривалъ, что любилъ всею душею перваго, восхищался и гордился вторымъ и почти благоговѣлъ передъ послѣднимъ. О связи съ Пушкинымъ и Жуковскимъ я, увы, могу говорить

только по воспоминаніямъ моего отца и матери; но князя П. А. Вяземскаго я зналъ лично, пользовался его благосклоннымъ расположеніемъ, такъ сказать по наслѣдству, и могъ лично убѣдиться въ прочности дружескихъ узъ прежняго закала. Какъ часто, бывало, этотъ почтенный старецъ (въ то время оберъ-шенкъ, состоявшій при покойной Императрицѣ Маріѣ Александровнѣ), пріѣзжая съ дворомъ на нѣсколько дней въ Москву, находилъ время, чтобы съѣздить за городъ въ Нескучный дворецъ, гдѣ мой отецъ, слабый и больной послѣ постигшаго его нервнаго удара, проводилъ лѣто, пробыть съ старымъ, немощнымъ другомъ цѣлый вечеръ и „тряхнуть стариною". Какъ бывало оживалъ мой старичокъ при этихъ посѣщеніяхъ; какъ разцвѣтала матушка, при видѣ его бодрости и какъ самому князю Вяземскому дышалось хорошо въ этой близкой, родной атмосферѣ, гдѣ воспоминанія черпались широкою рукою изъ полувѣковаго почти пространства, не омраченнаго никакими сомнѣніями и недоразумѣніями!... У меня остался особенно въ памяти одинъ изъ такихъ пріѣздовъ князя Петра Андреевича, и я позволяю себѣ описать его здѣсь, хотя онъ не согласуется съ хронологическимъ порядкомъ моего разсказа.

Государь былъ въ Москвѣ (въ Августѣ 1865 или 1866 г.), и мой старикъ, хотя и зналъ, что князь Вяземскій находился въ числѣ пріѣхавшихъ, но, въ виду предстоявшаго на другой день выѣзда двора, не надѣялся уже повидать его. Матушка отправилась навѣстить больную княгиню П. Н. Голицыну на Бутыркахъ; а мы съ сестрою оставались при отцѣ въ Александрійскомъ дворцѣ и готовились сѣсть обѣдать. Вдругъ къ крыльцу подъѣзжаетъ карета съ придворнымъ лакеемъ, и изъ нея выходитъ князь Петръ Андреевичъ. Отецъ просіялъ, все оживилось, и князь объявилъ, что урвался къ намъ обѣдать. Послѣ обѣда удалось убѣдить отца, что ему слѣдуетъ по обыкновенію немного отдохнуть; а мы съ сестрою, по желанію князя, отправились съ нимъ походить по прелестному Нескучному парку. День былъ Субботній или подпраздничный и, по возвращеніи съ прогулки, мы сѣли на террасѣ передъ дворцомъ. Солнце начинало уже садиться и послѣдними лучами освѣщало нашъ дорогой, завѣтный, величественный Кремль и куполъ Храма Спасителя. Въ это время раздался торжественный гулъ колоколовъ, призывающихъ ко всенощной. Картина была дѣйствительно величественная и поразительная! Маститый поэтъ повидимому весь поглотился охватившими его впечатлѣніями и началъ вспоминать и произносить вслухъ одно за другимъ лучшія стихотворенія Жуковскаго, Хомякова, Тютчева и свои, посвященныя Московскому Кремлю. Мы боялись дохнуть съ сестрою, чтобы не встревожить этого драгоцѣннаго вдохновенія и съ чувствомъ благоговѣйнаго умиленія слѣдили за проявленіемъ этого другаго, славнаго заката поэтической жизни, сохранившаго еще столько свѣжести, чуткости и силы впечатлѣній, чтобы немедленно отзываться на каждый призывъ красоты и гармоніи окружающей его природы. Еще долго по возвращеніи съ террасы, черты князя

сохраняли на себѣ какую-то особую печать торжественности и умиленія; а въ насъ это воспоминаніе осталось неизгладимымъ до сей минуты.

Возвращаюсь къ прерванному разсказу.

19-го Ноября 1825 г. Государь Александръ Павловичъ скончался въ Таганрогѣ. Отецъ мой находился въ Москвѣ и тотчасъ послѣ присяги принесенной новому Императору Константину Павловичу, счелъ болѣе благоразумнымъ подвергнуть себя добровольному, домашнему аресту. „Я предвидѣлъ“ говаривалъ онъ неоднократно, „что всѣ мои Московскіе друзья и знакомые немедленно обратятся ко мнѣ съ распросами о томъ, чего слѣдуетъ ожидать отъ новаго Государя, мнѣ столь хорошо и близко извѣстнаго. Страшась лично за будущее насъ ожидавшее и съ другой стороны смутно предполагая, что еще должна совершиться какая-то перемѣна, о которой многое говорилось и обсуждалось еще въ бытность мою адъютантомъ при Великомъ Князѣ, я боялся смутить своими сомнѣніями и безъ того уже встревоженные умы окружающей меня среды. Ожиданія мои вполнѣ оправдались, и по цѣлымъ днямъ къ моей квартирѣ подъѣзжали экипажи посѣтителей, желавшихъ меня видѣть и распросить. Эта настойчивость была настолько сильна, что, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, я намѣренно легъ въ постель, чтобы подъ предлогомъ болѣзни избѣгнуть всякихъ посѣщеній и тяжелыхъ распросовъ“. Когда я спрашивалъ отца, не останавливался-ли онъ въ то время на мысли, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, ему лично предстояла-бы при новомъ Императорѣ блестящая будущность,—онъ возражалъ, что его опасенія за Россію и самого Великаго Князя были такъ велики, что положительно заслоняли собою всякое другое соображеніе. „Зная Цесаревича, какъ я его зналъ“, повторялъ онъ, „я не могъ вообразить себѣ, что̀ насъ всѣхъ ожидаетъ. Не говоря уже о томъ, что онъ по своему характеру и по всему своему прошлому не былъ приготовленъ къ подобному высокому и тяжкому призванію, въ продолженіи послѣдняго времени, послѣ окончанія войны 1814 года, онъ до того отвыкъ отъ Петербурга, отъ двора и отъ государственной среды, до того, такъ сказать, одичалъ въ своей Варшавской обстановкѣ и привязался къ Польшѣ и Полякамъ, что можно было ожидать самыхъ тяжелыхъ послѣдствій. Хотя мы всѣ очень ясно̀ сознавали, что со времени вступленія его въ бракъ съ княгинею Ловичъ, онъ какъ-бы добровольно отступился отъ своихъ правъ на престолъ; но когда, послѣ принесенной ему присяги, прошло нѣсколько дней натянутаго ожиданія и не произошло никакой перемѣны, поневолѣ приходилось думать, что ея и не будетъ“. Князь Н. Б. Юсуповъ случился въ это время въ одномъ изъ своихъ имѣній и, узнавъ о кончинѣ Александра Павловича, поспѣшилъ въ Москву, гдѣ онъ состоялъ тогда президентомъ Кремлевской Экспедиціи. Ему выдана была на мѣстѣ подорожная, отъ имени Императора *Константина Павловича*, и на какой-то станціи подъ Москвою, онъ сидѣлъ въ станціонной комнатѣ, покуда ему перепрягали лошадей. Вдругъ

вбѣгаетъ къ нему сопровождавшій его молодой чиновникъ и, весь взволнованный, объявляетъ, что сейчасъ подъѣхалъ къ станціи какой-то проѣзжій курьеръ изъ Москвы и у него на подорожной значится, что она выдана отъ имени Императора *Николая Павловича*. Старикъ Юсуповъ страшно разгорячился, объявилъ юношѣ, что онъ велитъ его арестовать за распространеніе подобной нелѣпости; но когда молодой чиновникъ принесъ ему подлинную подорожную, пришлось повѣрить и убѣдиться, что это справедливо.

Наконецъ, совершилась присяга новому Государю и наступилъ предѣлъ всѣмъ колебаніямъ и тревогамъ.

Ко времени коронаціи, въ Августѣ 1826 года, Великій Князь Константинъ Павловичъ также прибылъ въ Москву, и отецъ мой часто повторялъ, что онъ любовался имъ во все это трудное для него время. Онъ держалъ себя съ такимъ тактомъ, такимъ вѣрноподданнымъ своего законнаго Государя; такъ искренно и сердечно отвѣчалъ на расточаемыя ему державнымъ братомъ вниманіе и почести, что всѣмъ ему преданнымъ лицамъ было отрадно это сознавать. Не могу утвердительно сказать, видѣлся ли Цесаревичъ съ моимъ отцомъ въ то время въ Москвѣ или нѣтъ; знаю только, что никакой перемѣны тогда въ судьбѣ отца не произошло, и онъ продолжалъ оставаться внѣ службы. Для того чтобы вызвать его вновь къ дѣятельности, потребовался другой рычагъ, и заря этой новой силы занялась на его горизонтѣ еще въ 1826 году въ образѣ моей матери.

Матушка моя происходила изъ рода Чернышовыхъ. Родной дѣдъ ея былъ извѣстный во времена Екатерины II-й и Павла „генералъ-фельдмаршалъ по флоту“ графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ, котораго дочь графиня Екатерина Ивановна Чернышова состояла фрейлиною при Императрицѣ, сопровождала ее во время торжественнаго ея путешествія въ Крымъ и затѣмъ вышла по любви за красавца Ѳедора Ѳедоровича Вадковскаго—любимца цесаревича Павла Петровича, бывшаго въ его царствованіе генералъ-аншефомъ и шефомъ Павловскаго полка. Матушка моя Софья Ѳедоровна была младшею дочерью въ семьѣ и родилась 6-го Февраля 1799 года. Семнадцати лѣтъ, въ самомъ расцвѣтѣ красоты и молодости, вышла она замужъ за молодаго и красиваго полковника л.-гв. Семеновскаго полка П. М. Безобразова и послѣ пяти лѣтъ счастливаго брака овдовѣла и затѣмъ постоянно проживала въ кругу своей семьи, или съ старухой матерью въ имѣніи Пальнѣ, Орловской губ. Елецкаго уѣзда, или съ старшею сестрою своею Екатериною Ѳедоровною, находившеюся въ замужествѣ за Н. И. Кривцовымъ. Благодаря близкому знакомству съ симъ послѣднимъ, еще со времени кампаніи 1812 года, отецъ мой сблизился со всею семьею, и тутъ возникло впервыя то взаимное между отцомъ моимъ и матерью неразрывное чувство, которое навѣки связало ихъ другъ съ другомъ. Хотя матушка въ то время давно была вдовою и вполнѣ могла располагать собою и своимъ состояніемъ, но, по свойственной ей мягкости и кротости

характера, вполнѣ подчинялась волѣ и руководству матери. Бабушка моя Екатерина Ивановна была женщина необыкновенно умная и энергическая. Она прямо объявила отцу, что ни за что̀ не согласится на бракъ ея дочери съ праздношатающимся человѣкомъ, который въ лучшую пору силъ и способностей ничего не дѣлаетъ и что она вообще, какъ дочь и жена военныхъ людей, терпѣть не можетъ „статскихъ рябчиковъ", какъ она называла людей, носящихъ партикулярное платье. Для достиженія желанной цѣли, отцу пришлось покориться и позаботиться о пріисканіи себѣ службы. Въ это время проѣзжалъ черезъ Москву начальникъ главнаго штаба генералъ-адъютантъ Дибичъ; онъ ѣхалъ на Кавказъ подготовить смѣну Ермолова и замѣну его Паскевичемъ, въ виду начавшейся уже Персидской кампаніи и ожидавшейся войны съ Турціею. Отецъ мой былъ хорошо извѣстенъ Дибичу по своей прежней служебной дѣятельности, и онъ явился къ нему, прося принять его на службу въ Кавказскій дѣйствующій корпусъ или въ свое непосредственное распоряженіе. Дибичъ выразилъ на это полное согласіе; но заявилъ только, что, по существующему порядку, отцу моему слѣдуетъ предварительно испросить на это согласіе Великаго Князя Константина Павловича, какъ бывшаго своего начальника. Отцу это условіе показалось въ то время весьма непріятнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ предвидѣлъ, что Цесаревичъ его отъ себя не выпуститъ; но, подъ вліяніемъ даннаго моей бабушкѣ слова, онъ вынужденъ былъ подчиниться необходимости и написалъ письмо генералу Курутѣ въ Варшаву, испрашивая разрѣшенія Великаго Князя поступить на службу на Кавказъ. Съ оборотомъ почты явился отвѣтъ, что Константинъ Павловичъ очень радъ его возвращенію на службу, но не иначе, какъ въ Варшаву и что онъ предлагаетъ ему вступить въ Гродненскій гусарскій полкъ, гдѣ онъ по старшинству придется старшимъ полковникомъ и дивизіономъ.

Не оставалось ничего другаго, какъ принять предложеніе, и въ тотъ же 1827 годъ, послѣ свадьбы, совершенной въ Москвѣ, отецъ и мать моя отправились въ Варшаву.

Теперь уже, въ подкрѣпленіе всего мною сказаннаго относительно неизмѣннаго и исключительнаго чувства расположенія и благоволенія, которыя Великій Князь питалъ къ отцу моему, я могу сослаться на свидѣтельство матушки. Для нея, съ минуты ея замужества до самой кончины, родъ человѣческій раздѣлялся только на двѣ категоріи: на тѣхъ, которые знали, уважали и цѣнили моего отца и на всѣхъ остальныхъ его не знавшихъ и къ нему равнодушныхъ. Къ первымъ она относилась вполнѣ пристрастно, прощала имъ все и вся и готова была защищать ихъ во всякое время. И это безошибочное чувство любящаго существа нельзя было обойти: оно всегда знало, кому можно и слѣдуетъ вѣрить и на кого можно положиться. Съ первыхъ же дней своего пріѣзда въ Варшаву, она почувствовала, что въ Великомъ Князѣ она нашла человѣка, умѣющаго цѣнить по заслугамъ ея мужа, и съ тѣхъ поръ

она неизмѣнно оставалась преданною его памяти и не позволяла при себѣ кому бы то ни было укорять или осуждать его. О прежнихъ недоразумѣніяхъ не было и помину и, хотя фрунтовая служба отца въ Гродненскомъ полку не допускала прежняго постояннаго сближенія и общенія, но все же отецъ оставался близкимъ человѣкомъ. Очень часто, по словамъ матушки, звали ихъ запросто обѣдать въ Бельведеръ или вечеромъ совершенно по семейному на чашку чая. Княгиня Ловичъ своимъ простымъ, привѣтливымъ обхожденіемъ придавала этимъ вечерамъ совершенно интимный характеръ, и матушка, сознавая вполнѣ сочувственную атмосферу ее окружающую, позволяла себѣ, по живости своего характера, весьма откровенно укорять Великаго Князя въ его ежедневныхъ вспышкахъ и служебныхъ увлеченіяхъ. Вызываемая имъ на откровенность, она подчасъ прямо указывала на случившіеся за день или за два эпизоды его горячности и утверждала, что они не согласуются съ добротою его сердца и благородными свойствами его природы. Княгиня Ловичъ при этомъ одобрительно улыбалась, а Великій Князь оправдывался или добродушно отшучивался. Обыкновенно подобные споры кончались тѣмъ, что Великій Князь, какъ бы въ отместку за нападки матушки, предлагалъ ей разсказать кое-что изъ прошлыхъ любовныхъ похожденій моего отца въ Варшавѣ. При видѣ ужаса, изобразившагося при этой угрозѣ на лицѣ матушки, Великій Князь заливался звонкимъ смѣхомъ и наслаждался тѣмъ смятеніемъ, которое вызывалъ на лицахъ обоихъ супруговъ.

Я привожу эти мелочныя подробности для того, чтобы ярче отмѣтить, какъ просты и незмѣнны были чувства Константина Павловича, разъ что онъ ввѣрился человѣку и полюбилъ его и какъ въ этой капризной, своеобразной природѣ сходились и сживались такіе противоположные инстинкты и ощущенія.

Въ 1828 году, въ пріѣздъ Императора Николая Павловича въ Варшаву, отецъ мой былъ пожалованъ флигель-адъютантомъ Е. И. В. съ оставленіемъ по прежнему въ Гродненскомъ полку. Въ началѣ 1829 года родился у него его первенецъ, который и поглотилъ собою всецѣло вниманіе матушки.

Тѣмъ временемъ въ Варшавѣ и во всей Польшѣ вообще постепенно созрѣвали и подготовлялись элементы будущаго возсташія и какъ всегда почти случается, всего менѣе это понимали тѣ, кому вѣдать надлежало. Великій Князь все болѣе и болѣе привязывался къ Полякамъ и, именно благодаря этому сознанію своего къ нимъ пристрастія, не допускалъ мысли, что они могутъ предпринять что́ либо противъ него. Принадлежа къ числу тѣхъ натуръ, которыя наиболѣе тяготѣютъ надъ тѣми, кто имъ особенно дорогъ и милъ, онъ не стѣснялся въ отношеніяхъ къ своимъ любимцамъ и муштровалъ ихъ по своему, въ особенности и даже исключительно въ строю. Съ другой стороны, всѣ его окружающіе, видя его пристрастіе къ мѣстному населенію, не рѣшались внушать ему какія-либо опасенія, и такимъ образомъ

онъ лично весьма часто раздражалъ Поляковъ безъ причины; а остальные, ради его, не смѣли ихъ касаться даже въ тѣхъ случаяхъ, когда и слѣдовало принять какія-либо мѣры. Отецъ мой часто повторялъ, что всѣ наиболѣе благомыслящіе и серьезные представители Польской національности не желали окончательнаго разрыва съ правительствомъ и употребляли усилія, чтобы не давать искрѣ вспыхнуть. Но всеобщее настроеніе было уже настолько враждебно, что малѣйшій поводъ могъ привести къ возстанію. И этимъ поводомъ послужили молодые юнкера изъ Польской шляхты, которые уже давно тяготились своимъ ненормальнымъ и тягостнымъ положеніемъ. Слѣдуетъ замѣтить, что Великій Князь весьма туго и неохотно соглашался на производство этихъ юнкеровъ (по истеченіи извѣстнаго, узаконеннаго срока) въ офицеры. При своемъ, съ годами все возраставшемъ педантизмѣ къ фронтовой службѣ, онъ чрезвычайно дорожилъ присутствіемъ въ солдатскихъ рядахъ этихъ опытныхъ въ шагистикѣ и относительно-развитыхъ молодыхъ людей и не желалъ съ ними разставаться. По отзыву отца моего, всѣ построенія и маневрированія были доведены до высшей степени совершенства, и Константинъ Павловичъ любилъ щегольнуть ими въ пріѣзды Государя Николая Павловича. Для достиженія этой цѣли, вышколенные, опытные и знающіе юнкера были лучшими и ближайшими руководителями въ строю, и замѣна ихъ новичками была бы особенно чувствительна и непріятна; поэтому и старались удержать ихъ во фронтѣ, съ нарушеніемъ всякихъ сроковъ выслуги и повышенія. А между тѣмъ строжайшая дисциплина ни мало не ослаблялась въ отношеніи къ нимъ, и они подвергались всѣмъ стѣсненіямъ и ограниченіямъ, существующимъ по закону для юнкеровъ: въ 9 часовъ вечера они обязаны были возвращаться на ночлегъ въ казармы; имъ возбранялось посѣщеніе театровъ и всякихъ увеселеній; малѣйшее упущеніе вело къ арестамъ и распеканіямъ—словомъ, они не выходили изъ категоріи учениковъ и школьниковъ, несмотря на то, что многіе изъ нихъ уже достигли зрѣлаго возраста. Недовольство этой молодежи и послужило тою искрою, которая произвела революцію 1830 года *).

Послѣдніе дни, предшествовавшіе возстанію, отецъ мой расхворался и не выходилъ изъ дома. За недѣлю скончался его первенецъ, мой старшій братъ. Потрясенный этимъ горемъ и простудившись на его похоронахъ, отецъ долженъ былъ полечиться, и ему налѣпили на грудь сильную шпанскую

*) Это было однимъ изъ ближайшихъ и видимыхъ поводовъ, но причины настоящія коренились глубже и не могли быть ясны современникамъ. Одною изъ нихъ, и самою главною, было увольненіе съ землею крестьянъ отъ крѣпостной зависимости помѣщиковъ, и приготовленное Императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ 1830 г. Главныя основы этого увольненія, вполнѣ выработанныя еще въ Мартѣ того года, были посланы въ Варшаву къ Великому Князю на просмотръ. Въ Польшѣ знали, что это было сдѣлано изъ простой вѣжливости къ брату, и что протестъ сего послѣдняго не остановитъ Николая Павловича. Паны и шляхты (увлекшись обѣщаніями съ Запада) предпочли бунтовать. П. Б.

мушку. Въ роковой вечеръ, матушка (находившаяся въ то время въ интересномъ положеніи) сидѣла за работою въ кабинетѣ отца, который тутъ же лежалъ на диванѣ. Вмѣстѣ съ ними находился и старинный ихъ знакомый князь Голицынъ (извѣстный подъ именемъ „Jean de Paris“), и они толковали о томъ, что общественное настроеніе раздражено, что недовольство все возрастаетъ, что Великій Князь не хочетъ ничему вѣрить и т. д. Вдругъ раздался гдѣ-то въ ночной тиши ружейный залпъ, другой, третій... Бросились къ окнамъ; но ничего особеннаго не было замѣтно, и стрѣльба прекратилась. Вскорѣ въ дверяхъ показался камердинеръ отца и сдѣлалъ ему за спиною матушки знакъ рукою. Отецъ вышелъ изъ комнаты и въ передней засталъ вѣстоваго Гродненскаго полка, который объявилъ ему, что въ Варшавѣ бунтъ, что толпа обступила Бельведеръ, полкамъ велѣно выстраиваться и выступать. Отецъ вернулся въ кабинетъ, чтобы наскоро приготовить матушку, сбросилъ свою мушку, натянулъ кое-какъ мундиръ, вскочилъ на лошадь и ускакалъ въ полкъ. Покуда все это происходило, на улицахъ уже поднялось волненіе: бѣжалъ народъ, скакало войско, поднимались крики; толпа росла, и смятеніе сдѣлалось всеобщее. Бѣдная матушка въ страшной тревогѣ не знала, что предпринять, тѣмъ болѣе что старикъ Голицынъ до того испугался, что не отставалъ отъ нея ни на шагъ и еще усиливалъ ея опасенія. Черезъ полчаса прискакалъ ординарецъ отъ отца, съ записочкою, наброшенною карандашемъ, въ которой онъ поручалъ ей наскоро уложить въ каретныя важи и ящики наинужнѣйшія вещи и быть готовою къ отъѣзду изъ Варшавы на зарѣ вмѣстѣ съ главною квартирою и выступающими войсками. Можно себѣ представить, какая наступила суматоха въ домѣ. Прислуга потеряла голову; матушка, въ своемъ тяжеломъ положеніи, не находила ни въ комъ нужнаго содѣйствія; началась укладка и разборка вещей, причемъ, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, нужное не попадалось подъ руки, и оказалось впослѣдствіи, что многое совершенно безполезное попало въ ящики, а самое дорогое забыто. Но такъ или иначе, къ разсвѣту карета была подана, и когда отецъ прискакалъ, чтобы сопровождать матушку къ сборному пункту—къ Бельведеру, все оказалось болѣе или менѣе готовымъ.

Никакія убѣжденія, никакія мольбы не могли поколебать Великаго Князя въ его рѣшеніи покинуть Варшаву. Оскорбленный и пораженный въ своемъ чувствѣ къ Полякамъ, онъ со слезами на глазахъ все повторялъ, что не желаетъ предпринимать ничего противъ нихъ, не можетъ рѣшиться проливать ихъ кровь и предпочитаетъ предоставить ихъ собственной судьбѣ. Отецъ мой не любилъ распространяться на счетъ событій этой ночи; въ немъ, даже въ позднѣйшіе годы, слишкомъ страдало національное и военное самолюбіе при воспоминаніи о этихъ тяжкихъ минутахъ. Ему больно было касаться этой эпохи и высказывать свое откровенное мнѣніе, тѣмъ болѣе, что, даже въ это ужасное время всеобщаго смятенія и тревоги, выразилось со стороны Кон-

стантина Павловича новое доказательство сердечнаго вниманія и расположенія къ отцу: онъ былъ назначенъ начальникомъ отряда, сопровождавшаго и охранявшаго главную квартиру, и на первомъ же ночлегѣ Великій Князь объяснилъ ему, что онъ нарочно далъ ему это назначеніе, чтобы онъ могъ лично наблюдать въ пути за больною матушкою.

Тяжело было это продолжительное отступленіе, и уже конечно никому оно не было такъ тяжело, какъ самому виновнику его. Въ угрюмомъ или скорѣе грустномъ молчаніи по цѣлымъ днямъ Великій Князь ѣхалъ верхомъ подлѣ кареты княгини Ловичъ и какъ бы предоставлялъ окружающимъ воспныя распоряженія. Его угнетало сознаніе лежавшей на немъ отвѣтственности, а всего болѣе томило скрытое и подавляемое, но очень ясно сознаваемое чувство недовольства и уныніи, которое господствовало вокругъ него. Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ прерывалъ молчаніе среди своихъ приближенныхъ, онъ старался пояснить, что для пользы дѣла слѣдовало сберечь это избранное войско, недостаточное для подавленія возстанія, съ тѣмъ, чтобы оно могло соединиться позднѣе съ собирающимися отовсюду корпусами и быть дѣйствительно полезнымъ. Иногда онъ какъ бы не вѣрилъ въ серьозный характеръ возстанія и поджидалъ депутаціи съ приглашеніемъ вернуться въ Варшаву. „Неужели это тѣ Поляки, которыхъ я такъ любилъ!“ часто восклицалъ онъ въ горестномъ волненіи, когда до него доходили слухи о вновь формирующихся бандахъ и о всеобщемъ революціонномъ порывѣ, охватившемъ Царство. Но при этомъ онъ упорно оставался вѣренъ своему первоначальному намѣренію не дѣлать ни одного выстрѣла противъ бунтовщиковъ и, во избѣжаніе столкновеній, часто приходилось измѣнять направленіе маршрута и уклоняться въ сторону отъ пунктовъ, гдѣ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, сосредоточивались стекавшіяся со всѣхъ сторонъ банды. Въ подобныхъ случаяхъ ночевать приходилось гдѣ попало, и однажды матушка провела ночь въ простой крестьянской хатѣ, въ комнатѣ смежной съ тою, которая была занята Великимъ Княземъ и его супругою. Выходъ былъ одинъ, и матушка слышала, какъ Константинъ Павловичъ подкрадывался на цыпочкахъ черезъ ея комнату на встрѣчу къ ординарцу, прискакавшему съ какимъ-то донесеніемъ. Изрѣдка, въ минуты относительнаго нравственнаго затишья, во время дневокъ или какихъ-либо остановокъ на пути, матушка позволяла себѣ высказывать откровенно свое мнѣніе, и выражать какъ женщина то, чего всѣ остальные не смѣли выговаривать. Цесаревичъ пускался тогда съ нею въ пренія, доказывалъ благоразуміе подобнаго образа дѣйствій и кончалъ восклицаніемъ: „Mais ils ne savent donc pas, combien j'aie les ai aimés *)“!

*) Да вѣдь они же не знаютъ, какъ я ихъ любилъ.

Повторяю снова, что отецъ упорно отмалчивался, когда заходила при немъ рѣчь объ этомъ отступленіи, и потому не могу привести никакихъ дальнѣйшихъ подробностей. Когда добрались до Слонима, гдѣ Великій Князь пробылъ нѣсколько дней во дворцѣ владѣльца этого мѣстечка Н. Н. Новосильцова, матушка, по случаю приближенія ея родовъ, почувствовала себя настолько ослабѣвшею, что уже не могла далѣе слѣдовать за войсками и осталась въ Слонимѣ. Новосильцовъ устроилъ ей особое помѣщеніе въ башнѣ своего дворца, занятаго Великимъ Княземъ и его свитою, и, по выступленіи ихъ оттуда, она такъ и оставалась въ этомъ помѣщеніи. Отецъ вынужденъ былъ оставить ее тутъ на попеченіи владѣльца, который дѣйствительно заботился о ней, какъ о своей родной дочери. Отцу удалось однакоже вернуться на нѣсколько дней въ Слонимъ ко времени родовъ и когда она благополучно разрѣшилась дочерью Ольгою, онъ поспѣшилъ отправиться въ свой полкъ, который въ то время, какъ и всѣ остальныя войска, вышедшія изъ Варшавы, уже соединился съ арміею графа Дибича. Отецъ говорилъ, что, не смотря на стремленіе его поскорѣе настигнуть главную квартиру, онъ по какому-то инстинктивному влеченію прискакалъ на нѣсколько часовъ по пути въ Витебскъ, куда уединился Великій Князь, когда состоялось назначеніе графа Дибича главнокомандующимъ. Константинъ Павловичъ отмѣнно ему обрадовался, но отецъ былъ пораженъ, до какой степени въ этотъ краткій промежутокъ онъ осунулся и измѣнился. Онъ постоянно повторялъ, „что пѣсенка его спѣта“, что онъ уже не жилецъ на этомъ свѣтѣ и когда отцу пришлось съ нимъ проститься, онъ обнялъ его, благодарилъ неоднократно „за службу и за дружбу“ и при этомъ даже прослезился. Отецъ говорилъ, что минута прощанія была и для него тѣмъ болѣе тяжела, что и ему самому какой-то внутренній голосъ говорилъ, что эта разлука послѣдняя. Такъ оно и вышло: не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и Великій Князь скончался въ Витебскѣ, не дождавшись даже окончанія военныхъ дѣйствій. Какой грустный конецъ столь громкой и богатой событіями жизни! Переходить Альпы съ Суворовымъ, вступать въ Парижъ во главѣ побѣдоносной гвардіи, отказаться отъ славнѣйшаго престола въ мірѣ и завершить земное существованіе въ скромномъ губернскомъ городкѣ! Какіе рѣзкіе переходы и какое обиліе крупныхъ явленій, втиснутыхъ въ тѣсные предѣлы одной жизни, сравнительно недолгой.

Впрочемъ, по словамъ отца, общій ходъ военныхъ событій въ Польшѣ не сразу принялъ энергическій наступательный характеръ. Графъ Дибичъ, этотъ живой, неутомимый начальникъ главнаго штаба въ царствованіе Императора Александра Павловича, этотъ прошлогодній, славный Забалканскій побѣдитель, былъ неузнаваемъ во время Польской кампаніи. Слабый и болѣзненный, медлительный и нерѣшительный, онъ растянулъ армію на громадномъ пространствѣ, утомлялъ ее постоянными передвиженіями, далъ время Польскимъ силамъ окончательно сформироваться, не воспользовался даже въ

достаточной мѣрѣ Остроленковскою полупобѣдою, чтобы твердо двинуться впередъ, и наконецъ окончательно запемогъ, просилъ объ увольненіи и скончался. Въ послѣднее время все бремя отвѣтственности лежало па начальникѣ его штаба генералѣ Толѣ (въ послѣдствіи графѣ и главноуправляющемъ путями сообщенія), который и вступилъ въ командованіе арміею, по кончинѣ фельдмаршала до прибытія новаго главнокомандующаго графа Паскевича. Съ его прибытіемъ все нѣсколько оживилось; но онъ объявилъ, что не двипется съ мѣста покуда не будетъ имѣть продовольственныхъ запасовъ, по крайней мѣрѣ на три недѣли. И дѣйствительно, работа закипѣла, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ военныя команды сами срѣзали хлѣбъ на брошенныхъ поляхъ, молотили его на мѣстѣ и подготовляли себѣ провіантъ. Затѣмъ уже армія начала подвигаться и постепенно подступила къ Варшавѣ. Когда на послѣднемъ военномъ совѣтѣ было рѣшено прямо начать со штурма Волы, главнаго центральнаго Варшавскаго укрѣпленія, то Паскевичъ приказалъ во главѣ каждой штурмующей колонны поставить вызванныхъ изъ гвардейскаго отряда охотниковъ. Это распоряженіе имѣло чрезвычайный успѣхъ: гвардейцы, естественно, пожелали показать себя, а армейскія войска не захотѣли отъ нихъ отстать, и штурмъ Волы произведенъ былъ съ несокрушимою стремительностію, несмотря на то, что въ самомъ его началѣ гр. Паскевичъ былъ легко контуженъ въ плечо и даже временно сдалъ командованіе генералу Толю. Послѣ паденія Волы, всѣ остальные форты и редуты сдались сами собою, и къ Паскевичу явились депутаты г. Варшавы съ капитуляціею. Въ дѣйствительности кампанія была кончена, и 27 Августа 1831 войска наши заняли городъ.

Здѣсь не могу не упомянуть о небольшомъ эпизодѣ, касавшемся лично до моего отца. За нѣсколько дней до прихода арміи къ Варшавѣ, отцу моему было поручено, во главѣ небольшаго отдѣльнаго отряда (состоявшаго изъ трехъ эскадроновъ Гродненскаго полка, нѣсколькихъ сотенъ казаковъ и нѣсколькихъ конныхъ орудій) двинуться къ мѣстечку Ленчицѣ, гдѣ на пути слѣдованія нашихъ войскъ, по дошедшимъ до главной квартиры свѣдѣніямъ, собрались довольно значительныя силы непріятеля. Выступивъ съ отрядомъ на зарѣ, отецъ мой подъ самою Ленчицею настигъ довольно многочисленное скопище Польскихъ волонтеровъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, вооруженныхъ большею частію косами, ножами, чуть не дубинами, и послѣ нѣсколькихъ залповъ изъ орудій естественно обратилъ ихъ въ бѣгство и, не потерявъ кажется ни одного гусара или казака, захватилъ много плѣнныхъ съ ихъ мнимыми знаками и знаменами и въ тотъ же день привелъ весь этотъ жалкій сбродъ къ мѣсту расположенія своего полка. Когда онъ доложилъ о томъ по начальству, то получилъ изъ главной квартиры приказаніе составить о томъ подробную реляцію. Тогда онъ заявилъ, что не считаетъ себя въ правѣ писать какія-либо реляціи по этому поводу: онъ имѣлъ дѣло не

съ регулярнымъ войскомъ, а съ толпою оборванцевъ, которые не въ состояніи были оказать серьезнаго сопротивленія, и придавать этому дѣйствію какое-либо значеніе было-бы несправедливо и недобросовѣстно. На томъ дѣло и кончилось. По вступленіи нашихъ войскъ въ Варшаву, на третій день, 30 Августа, въ день именинъ Государя Наслѣдника Александра Николаевича, отецъ мой по званію флигель-адъютанта, въ числѣ прочихъ, находился во дворцѣ для принесенія Великому Князю Михаилу Павловичу (совершившему всю кампанію) поздравленій съ Августѣйшимъ именинникомъ. Прибылъ во дворецъ съ тою же цѣлью и Паскевичъ и, проходя мимо моего отца, остановился и спросилъ: „что же, представили вы реляцію о дѣлѣ при Ленчицѣ?“ Тогда отецъ повторилъ ему то, что́ выше сказано, и закончилъ тѣмъ, что по совѣсти составлять реляцію не приходится. Графъ Паскевичъ посмотрѣлъ на него съ привѣтливою улыбкою и сказалъ: „Вы, полковникъ, или слишкомъ скромны, или слишкомъ горды“, и пошелъ далѣе.

За взятіе Варшавы отецъ былъ произведенъ въ генералы и назначенъ въ свиту, такъ что онъ разстался со своимъ полкомъ и отправился къ мѣсту служенія въ Петербургъ, гдѣ матушка уже ожидала его. Вскорѣ новорожденная сестра моя Ольга скончалась, не выдержавъ Петербургскаго климата, и это новое горе сильно потрясло и безъ того отягченную беременностью матушку.—Въ концѣ Мая или въ началѣ Іюня отцу было объявлено, что онъ командируется для осмотра какого-то корпуса въ южной арміи и чтобы онъ явился въ извѣстный день откланяться Государю и получить въ министерствѣ надлежащія инструкціи. Какъ ни тревожно было ему покидать матушку передъ самымъ временемъ родовъ, но онъ и не останавливался на возможности уклониться отъ служебнаго долга во имя частныхъ соображеній и въ назначенный часъ явился въ Зимній дворецъ. Государь подробно объяснилъ ему свои требованія относительно осмотра корпуса и, отпуская его, милостиво спросилъ: „А что твоя жена“? Отецъ отвѣчалъ, что здорова, на сколько ея положеніе дозволяетъ. „А что́ съ нею?“ спросилъ Государь.—Она всякій день ждетъ разрѣшенія отъ бремени. „Какъ же ты мнѣ этого не сказалъ прежде!“ воскликнулъ Государь:—„оставайся же, а когда все благополучно кончится, приди мнѣ сказать, и тогда поѣдешь“. Отецъ поблагодарилъ и остался. 14-го Іюня я появился на свѣтъ Божій и когда матушка послѣ 9-го дня встала съ постели, отецъ, послѣ какого-то развода, подошелъ къ Государю и доложилъ, что онъ готовъ ѣхать, но при этомъ воспользовался случаемъ, чтобы просить Государя быть моимъ крестнымъ отцомъ. Николай Павловичъ весьма охотно изъявилъ согласіе и объявилъ, что пришлетъ вмѣсто себя генералъ-адъютанта графа Куруту, прибавивъ: „Я увѣренъ, что тебѣ это будетъ пріятно, какъ старому его сослуживцу по Варшавѣ“. Матушка получила по этому случаю красивый брилліантовый фермуаръ отъ Государя.

Послѣ моихъ крестинъ отецъ немедленно отправился на Югъ инспектировать войско и по этому поводу ѣздилъ въ Кіевъ явиться къ фельдмаршалу графу Фаб. Вильг. Сакену, командовавшему южною арміею. По окончаніи командировки, отецъ оставался на мѣстѣ въ ожиданіи прибытія Императора Николая Павловича, который долженъ былъ въ окрестностяхъ Чугуева и Бѣлой Церкви смотрѣть войска и въ томъ числѣ инспектированный предварительно отцемъ моимъ корпусъ. Во время этой поѣздки Государя, случился небольшой эпизодъ, который живо сохранился въ памяти отца. Послѣ какого-то смотра или маневра, высшіе военные чины были приглашены Государемъ къ обѣду, и отецъ мой также присутствовалъ на этомъ обѣдѣ, въ составѣ государевой свиты. Николай Павловичъ былъ необыкновенно внимателенъ, даже сыновне-почтителенъ со старикомъ графомъ Сакеномъ. Онъ посадилъ его за столомъ на первомъ мѣстѣ, сѣлъ подлѣ него и весьма терпѣливо и благодушно выслушивалъ его старческіе разсказы. Маститый ветеранъ 1812 г. бывшій Парижскій губернаторъ, въ то время былъ уже очень старъ, слабѣлъ памятью, но словоохотливъ. Ободренный царскою ласкою, пустился онъ въ нескончаемые разсказы о старинѣ и наконецъ завершилъ обѣденную бесѣду слѣдующимъ воспоминаніемъ изъ своего прошлаго. „Помилуйте, Государь“, говорилъ старикъ, „да настоящія времена—просто рай земной, по сравненію съ эпохою царствованія покойнаго родителя вашего Императора Павла Петровича. Вотъ уже было времечко—нечего сказать! Какъ теперь помню, я былъ въ то время комендантомъ въ Оренбургѣ. Сижу себѣ спокойно послѣ обѣда въ кабинетѣ и покуриваю трубочку. Все у меня, кажется, благополучно, опасаться нечего; вдругъ, говорятъ, фельдъегерь пріѣхалъ. У меня такъ духъ и захватило, и ноги подкосились; вѣдь въ тѣ времена пріѣздъ фельдъегеря непремѣнно предвѣщалъ какую-нибудь страшную бѣду. Входитъ и подаетъ конвертъ: вижу, что-то тоненькое, верчу въ рукахъ, а открыть страшно. Наконецъ распечаталъ и читаю: „Волею Божіею Государь Императоръ Павелъ Петровичъ скончался. Слава Богу!“ И при этомъ восклицаніи, нашъ почтенный старецъ, въ увлеченіи своимъ разсказомъ, совершенно забылъ, передъ кѣмъ онъ находится и осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ. Отецъ говорилъ, что при этихъ словахъ и при этомъ жестѣ фельдмаршала всѣ присутствующіе невольно уткнули головы въ тарелки и не смѣли поднять глазъ. Воцарилось мертвое молчаніе, вскорѣ прерванное Государемъ, который сдѣлалъ видъ какъ будто ничего не случилось, и обратился своимъ обыкновеннымъ голосомъ къ кому-то черезъ столъ съ служебнымъ вопросомъ; а бѣдный старикъ такъ и не догадался, въ какое неловкое положеніе онъ поставилъ всѣхъ слушателей своимъ наивнымъ разсказомъ.

Весну и осень отецъ обыкновенно проводилъ въ разъѣздахъ и командировкахъ по инспектированію войскъ, и по приготовленію ихъ къ высочайшимъ смотрамъ; все же остальное время въ году оставался въ Петербургѣ,

ограничиваясь очереднымъ дежурствомъ при Государѣ; но такъ какъ въ то время было всего двѣнадцать генералъ-майоровъ, состоявшихъ въ свитѣ Е. И. В., то это повторялось довольно часто. Дежурство тогда длилось цѣлые сутки съ ночлегомъ во дворцѣ, и дежурные, большею частію, приглашались къ царскому столу. Отецъ всегда вспоминалъ съ особеннымъ удовольствіемъ объ этихъ минутахъ, когда ему приходилось проникать во внутренній, такъ сказать домашній, бытъ царской семьи, и онъ неоднократно повторялъ, что въ этихъ случаяхъ господствовали полнѣйшая простота и непринужденность. Государь Николай Павловичъ, столь грозный, неприступный и величественный передъ фронтомъ, на площади, и въ публикѣ—въ семейной своей обстановкѣ совершенно преображался и за обѣдомъ, когда не присутствовало никого, кромѣ приближенныхъ и дежурныхъ лицъ, становился простымъ, радушнымъ хозяиномъ. Въ концѣ обѣда великіе князья, сыновья Государя (исключая Цесаревича Александра Николаевича) становились обыкновенно въ дверяхъ на часы съ маленькими ружьями въ рукахъ и, при проходѣ Государя, дѣлали на караулъ. Николай Павловичъ останавливался, зорко и серьезно слѣдилъ за выполненіемъ этихъ ружейныхъ пріемовъ и кромѣ того испытывалъ ихъ военную стойкость: онъ щипалъ ихъ довольно сильно, дѣлалъ гримасы, чтобы вызвать смѣхъ, но молодые воины не смѣли и глазомъ моргнуть, а не только пошевелиться, покуда Государь не пройдетъ и ихъ не отпуститъ.

Въ это время отецъ часто видался съ Жуковскимъ, Вяземскимъ, Пушкинымъ и всѣмъ тѣмъ кружкомъ, съ которымъ сблизился въ былое время въ Москвѣ. Пушкинъ въ то время былъ уже женатъ, камеръ-юнкеръ и много ѣздилъ въ большой свѣтъ и ко двору, сопровождая свою красавицу-жену. Этотъ образъ жизни часто былъ ему въ тягость, и онъ жаловался друзьямъ, говоря, что это не только не согласуется съ его наклонностями и призваніемъ, но ему и не по карману. Часто забѣгалъ онъ къ моимъ родителямъ, оставался, когда могъ, обѣдать и какъ школьникъ радовался, что можетъ провести нѣсколько часовъ въ любимомъ кружкѣ искреннихъ друзей. Тогда онъ превращался въ прежняго Пушкина: лились шутки и остроты, раздавался его заразительный смѣхъ, и всякій разъ онъ оставлялъ послѣ себя долгій слѣдъ самыхъ пріятныхъ, незабвенныхъ воспоминаній. Однажды послѣ обѣда, когда перешли въ кабинетъ и Пушкинъ, закуривъ сигару, погрузился въ кресло у камина, матушка начала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Пушкинъ долго и молча слѣдилъ за ея высокою и стройною фигурою и наконецъ воскликнулъ: „Ахъ, Софья Ѳедоровна, какъ посмотрю я на васъ и на вашъ ростъ, такъ мнѣ все и кажется, что судьба меня, какъ лавочникъ, обмѣрила“. А матушка была дѣйствительно необыкновеннаго для женщины роста (2 арш. 8½ вершковъ) и когда она бывало появлялась въ обществѣ съ двумя своими близкими знакомыми, графинею Е. П. Потемкиной и графи-

нею Шуазель, то ихъ въ свѣтѣ называли „le bouquet monstre“. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что слово „monstre“ относилось въ данномъ случаѣ исключительно къ ихъ росту, потому что онѣ всѣ три были чрезвычайно красивы и точно составляли букетъ, на украшеніе любой гостиной.

Въ 1833 году, вслѣдствіе неурожая, обнаружился сильный недостатокъ хлѣба во многихъ мѣстностяхъ; но въ особенности бѣдствовали Новороссійскій край и Малороссія. Князь М. С. Воронцовъ (въ то время еще графъ) обнаруживалъ неусыпную дѣятельность, чтобы предотвратить по возможности надвигающееся бѣдствіе, и во ввѣренномъ ему Новороссійскомъ краѣ не только подготовлялъ и закупалъ въ Одессѣ значительные запасы хлѣба на правительственныя суммы, но оказывалъ и щедрую помощь изъ своихъ собственныхъ богатыхъ средствъ. Мѣры имъ принимавшіяся были извѣстны и въ Петербургѣ, и всѣ съ особеннымъ уваженіемъ и одобреніемъ отзывались о дальновидности и бдительности государственнаго человѣка и щедраго вельможи. Неменьшее бѣдствіе угрожало и Украйнѣ. Тамошній губернаторъ, не имѣя громадныхъ средствъ графа Воронцова и его обстановки, естественно, не могъ придавать своимъ дѣйствіямъ той широты и огласки, которая сопровождала всѣ дѣйствія Новороссійскаго магната. Начали поговаривать въ столичныхъ сферахъ, что въ Малороссіи этотъ столь важный вопросъ о народномъ продовольствіи ведется яко бы не съ должнымъ вниманіемъ, что этимъ губерніямъ грозитъ въ зимнее время, “полнѣйшая голодовка“ и что мѣстная администрація подлежала бы за это строжайшей отвѣтственности. Въ это время отецъ получаетъ повѣстку явиться на слѣдующій день во дворецъ. Государь принимаетъ его въ кабинетѣ и объявляетъ, что онъ командируется въ Полтаву, чтобы ознакомиться съ настоящимъ положеніемъ вещей и принять нужныя мѣры. При этомъ Государь коснулся слуховъ о бездѣйствіи мѣстныхъ властей и закончилъ свою рѣчь словами: „Поѣзжай, осмотрись, донеси мнѣ подробно и, если хоть малая доля того, что говорятъ, справедлива, то оставайся тамъ и ожидай дальнѣйшихъ распоряженій“. Вмѣстѣ съ тѣмъ отцу моему былъ открытъ кредитъ на нѣсколько сотъ тысячъ рубл. для немедленной раздачи по уѣздамъ наиболѣе нуждающимся.

Когда эта командировка отца огласилась въ кругу его друзей и близкихъ знакомыхъ, то многіе поздравляли его съ блестящею будущностью, предполагая, что онъ замѣнитъ князя Репнина и въ чинѣ генералъ-маіора займетъ прямо высокій постъ генералъ-губернатора. Что эти предположенія не лишены были нѣкотораго основанія, доказывается еще слѣдующимъ, довольно замѣчательнымъ случаемъ. Покуда отецъ сбирался въ путь и въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ заготовлялись для него надлежащія инструкціи, онъ получилъ приглашеніе отъ Великой Княгини Елены Павловны заѣхать къ ней по дѣлу. Ея Высочество заявила ему, что, узнавъ о его командированіи въ Полтаву, она пожелала повидать его, чтобы поручить его вниманію свое Пол-

тавское имѣніе Карловку и просить его доставить ей свѣдѣнія, выполнено ли на мѣстѣ все то, что́ было ею предписано, для снабженія крестьянъ ея достаточнымъ продовольствіемъ. Отпуская моего отца, она съ улыбкою присовокупила приблизительно слѣдующее: „N'oubliez donc pas, général, si vous devenez notre seigneur et maître, que je suis une Полтавская помѣщица, et gardez moi vos bonnes grâces!“ *)....

Отецъ отправился въ путь, серьезно смущенный предстоявшею ему, повидимому, не легкою задачею. Когда онъ прибылъ въ Полтаву, то не засталъ тамъ князя Репнина, который воспользовался Суботою и двумя послѣдующими праздничными днями, чтобы съѣздить въ свое ближнее имѣніе. Это обстоятѣльство на первыхъ порахъ еще какъ бы усложнило дѣло; но, въ виду экстренности вопроса, отецъ, не ожидая возвращенія генералъ-губернатора, на другой же день образовалъ комитетъ изъ мѣстнаго губернатора, губернскаго предводителя дворянства и разныхъ другихъ должностныхъ лицъ. Каково же было его пріятное изумленіе, когда, приступая къ дѣлу, онъ съ самаго начала убѣдился, что всѣ необходимыя мѣры были приняты, многіе запасы уже сдѣланы и размѣщены на мѣстахъ по магазинамъ, подготовлены заподряды на будущее время; словомъ, что все обстоитъ какъ нельзя болѣе благополучно. Вполнѣ успокоенный на первыхъ порахъ и зная, въ какой мѣрѣ Государь озабоченъ положеніемъ этого дѣла, отецъ немедленно приступилъ къ составленію своего перваго всеподданнѣйшаго донесенія, въ которомъ изложилъ подробно все, что́ въ дѣйствительности оказалось, и присовокупилъ, что отправится по уѣздамъ для раздачи высочайшаго пособія и провѣрки на мѣстахъ, но что, по общему ходу дѣла, онъ уже и теперь убѣдился, что распространенные слухи не имѣли ни малѣйшаго основанія и что особенныхъ опасеній въ будущемъ существовать не можетъ. Тѣмъ временемъ вернулся князь Репнинъ, и отецъ мой, отправляясь къ нему, взялъ съ собою и свое донесеніе, готовое къ отсылкѣ въ Петербургъ. Старикъ былъ до того растроганъ, по прочтеніи этого рапорта, что со слезами на глазахъ благодарилъ отца и сообщилъ ему, что ему очень хорошо было извѣстно все, что́ о немъ говорилось, что онъ исполнялъ свой долгъ по крайнему разумѣнію, но ожидалъ, что ему не сдобровать, тѣмъ болѣе, что командированное Государемъ лицо всегда могло найти достаточный поводъ къ осужденію его дѣйствій.

Такимъ образомъ отецъ, послѣ нѣсколькихъ поѣздокъ по губерніи, вернулся въ Петербургъ и лично подтвердилъ Государю, что никакихъ особенныхъ мѣръ принимать не предстоитъ надобности. Слѣдуетъ предположить, что всѣ тонкія

*) И такъ не забывайте, если будете нашимъ повелителемъ, что я Полтавская помѣщица, и не лишите меня вашей милости.

стороны этого порученія были вполнѣ извѣстны и оцѣнены Николаемъ Павловичемъ, потому что, при обычномъ въ подобныхъ случаяхъ объявленіи монаршей благодарности за успѣшное выполненіе возложеннаго порученія, въ текстѣ *курсивомъ* было пропечатано: „и за *вполнѣ добросовѣстное* выполненіе“,... какъ это значится въ его формулярномъ спискѣ. Много лѣтъ спустя, отыскивая по порученію отца какіе-то нужные ему документы, я случайно нашелъ въ его бумагахъ письмо князя Репнина, адресованное въ Петербургъ тотчасъ послѣ выѣзда его изъ Полтавы. Оно было написано мастерски, по-французски, и у меня осталось въ памяти, что, говоря о рѣдкомъ наслажденіи встрѣтиться въ жизни съ личностью, одаренною истинно-благородными и возвышенными душевными свойствами, онъ приблизительно этими словами заканчиваетъ свою мысль: et c'est pour cette sensation si rare et si exquise, que je viens surtout vous remercier ici, cher général etc..“ *) Помню какъ теперь, съ какимъ теплымъ и хорошимъ чувствомъ я глоталъ въ то время эти строки и естественно тотчасъ обратился къ находившемуся тутъ же отцу, прося разъяснить, по поводу чего именно было получено это письмо. Только тогда (это было въ деревнѣ, когда онъ находился въ отставкѣ) онъ вынужденъ былъ разсказать мнѣ все вышеизложенное по своей командировкѣ въ Полтаву, такъ что не попадись мнѣ случайно на глаза это письмо, я вѣроятно ничего бы не зналъ объ этомъ эпизодѣ въ его жизни. Черта достойная особеннаго замѣчанія въ характерѣ моего родителя; ее нельзя прямо назвать излишнею скромностью, потому что это свойство какъ-то не согласовалось бы съ крупными, всегда рѣшительными и твердыми его дѣйствіями. Нѣтъ, это скорѣе вытекало изъ его прочно-установившагося взгляда на все, что, по его мнѣнію, входило въ составъ основныхъ жизненныхъ началъ и не подлежало ни малѣйшему колебанію, а слѣдовательно и одобренію. Благодарить кого-либо за прямое выполненіе долга или восторгаться тѣмъ, что кто-либо поступилъ честно и благородно, представлялось ему также страннымъ и безразсуднымъ, какъ если бы вздумалось благодарить кого-нибудь за то, что онъ ходитъ ногами и смотритъ глазами. При подобномъ взглядѣ на человѣческое призваніе вообще, естественно, что онъ еще строже относился къ самому себѣ, и потому всякій намекъ на самовосхваленіе или подчеркиваніе дѣйствій было ему особенно не по нутру.

Чтобы еще болѣе выяснить эту особенность въ характерѣ отца, позволю себѣ нарушить здѣсь хронологическій порядокъ моихъ записокъ и привести кстати одинъ случай изъ нашего позднѣйшаго дѣтства, когда меня лично впервыя поразило это особенное душевное свойство отца. Мы жили тогда во Ржавцѣ (мнѣ было лѣтъ 12, сестрѣ же и брату много меньше). Матушка,

*) И за это-то чувство, столь рѣдкое и отмѣнное, въ особенности благодарю я васъ, любезный генералъ.

которая все время посвящала нашему воспитанію, учредила между прочимъ по вечерамъ, послѣ чаю, общія чтенія, чтобы пріучать насъ громко читать на всѣхъ языкахъ. Читали по очереди: одинъ день по-русски, другой по-французски, третій по-англійски, четвертый по-нѣмецки. Отецъ, бывало, лежитъ у стола на диванѣ во всю длину, съ закинутыми за голову руками и какъ будто ни въ чемъ не участвуетъ, а между тѣмъ все слышитъ и все подмѣчаетъ. Матушка сидитъ тутъ же съ работою и, прислушиваясь къ чтенію, изрѣдка поправляетъ насъ или вызываетъ насъ на обсужденіе прочитаннаго. Въ тотъ вечеръ, о которомъ я веду рѣчь, была моя очередь читать и, какъ теперь помню, во Французской книгѣ, которую я читалъ, разсказывалось, какъ одинъ почтенный отецъ семейства отпускалъ своего юношу-сына въ военную школу Сенъ-Сиръ и наканунѣ его отъѣзда давалъ ему свои послѣднія наставленія. „Avant tout, mon fils“, читалъ я въ книгѣ, „soyez honnête!“ *) Матушка, по мѣрѣ развитія этихъ наставленій, выражала про себя свое одобреніе; когда, постоянно молчащій и повидимому безучастный отецъ, отвѣчая на ея одобрительные звуки, произнесъ: „А я нахожу, что это просто глупо. Такія вещи не говорятъ; и, еслибы когда нибудь мнѣ показалось нужнымъ сказать Ѳедѣ „будь честенъ“, то это доказывало бы, что я уже въ немъ не увѣренъ, а въ подобномъ случаѣ словами не поможешь. Есть вещи, которыя ясны какъ день или совсѣмъ непонятны.....“

Помню, что меня поразили тогда эти слова и въ тоже время какъ-то сильно подняли въ собственныхъ глазахъ. Для меня, безъ малѣйшаго сомнѣнія, прозвучала въ нихъ глубокая увѣренность отца, что я не могу и не долженъ нуждаться въ подобномъ наставленіи, и эта увѣренность была мнѣ такъ отрадна, что это ощущеніе до сей минуты живетъ въ моей памяти. Кромѣ того, я былъ польщенъ этимъ серьезнымъ ко мнѣ отношеніемъ, какъ уже къ лицу отвѣтственному за себя; а ничто такъ не дорого въ извѣстные, очень юные годы, какъ возможность прослыть за взрослаго и уже возмужалаго человѣка. Можно, конечно, оспаривать отцовскую теорію и утверждать, что, кромѣ природнаго инстинкта, хорошія свойства прививаются намъ еще и словомъ, и примѣромъ; но я нахожу, что этотъ эпизодъ ярко рисуетъ цѣльную и рѣшительную натуру отца. Вспоминая теперь, на склонѣ моей собственной уже некраткой жизни, объ этихъ впечатлѣніяхъ свѣжей юности, я невольно не могу не остановиться на ежедневныхъ, ежечасныхъ проявленіяхъ нашей грустной дѣйствительности. Если бы кто-нибудь могъ предсказать мнѣ въ то время, когда я читалъ этотъ Французскій разсказъ и проникался теоріею, высказанною моимъ отцомъ по этому поводу, что мнѣ суж-

*) Прежде всего, мой сынъ, будь честенъ.

дено дожить до такой эпохи, когда подобная теорія должна обратиться почти въ анахронизмъ и когда всяческое и повсемѣстное хищеніе воцарится во всѣхъ семейныхъ, общественныхъ и государственныхъ слояхъ,—то я навѣрное отказался бы этому повѣрить. Мнѣ почти приходится радоваться, что мой почтенный старецъ уже не отъ міра сего, что онъ могъ еще унести съ собою во всей неприкосновенности свою вѣру въ достоинство человѣка и убѣжденіе, что существуютъ такіе незыблемые, нравственные законы, которыхъ не можетъ поколебать никакая среда и никакое пагубное вліяніе....

Но возвращаюсь къ прерванному повѣствованію. Весною 1834 года отецъ мой вновь былъ потребованъ къ Государю, который объявилъ ему, что посылаетъ его въ Астрахань, гдѣ старикъ губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Пяткинъ, запутался въ распоряженіяхъ и самъ, такъ сказать, взывалъ о помощи. Вышли какіе-то безпорядки среди находившихся тамъ поднадзорныхъ, изъ которыхъ большая часть были Поляки, сосланные туда на жительство послѣ послѣдняго Польскаго возстанія. Пяткинъ вначалѣ не обратилъ на это явленіе должнаго вниманія, а потомъ поступилъ безтактно: придалъ всему дѣлу какое-то политическое значеніе и прислалъ встревоженное донесеніе, причемъ просилъ уволить его на покой. Государь, передавъ всѣ эти подробности отцу, приказалъ ему поспѣшить отъѣздомъ и, по прибытіи на мѣсто, донести, что̀ окажется, и во всякомъ случаѣ оставаться тамъ до назначенія преемника Пяткину. Порученіе было сложное и продолжительное, потому что въ то время не существовало ни желѣзныхъ дорогъ, ни пассажирскаго пароходства по Волгѣ. Путь былъ далекій, мѣстность полуазіятская, неизвѣстная; разлука съ семьею тяжкая. Но что же дѣлать? Пришлось наскоро собраться и ѣхать. Къ счастію, на мѣстѣ все оказалось не столь мрачнымъ, какъ думалось; приданы были какіе-то серьезные, политическіе размѣры почти ребяческой выходкѣ нѣсколькихъ поднадзорныхъ юношей. Пришлось двухъ или трехъ коноводовъ выслать въ другія мѣстности, и затѣмъ все затихло и не могло быть иначе въ мѣстности, на двѣ трети заселенной полудикими инородцами. Отправивъ свое донесеніе, отецъ остался въ Астрахани выжидать дальнѣйшихъ распоряженій, а тѣмъ временемъ генералъ Пяткинъ уже былъ уволенъ и готовился къ выѣзду. Съ оборотомъ почты отецъ получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ письмо, въ которомъ его увѣдомляли, что Государю Императору желательно, чтобы отецъ остался въ Астрахани въ званіи Астраханскаго военнаго губернатора, съ управленіемъ и гражданскою частью, и командира Астраханскаго казачьяго войска. Желаніе Государя въ данномъ случаѣ соотвѣтствовало приказанію и колебаться не приходилось.

Отецъ поселился въ Астрахани и пробылъ тамъ ровно 10 лѣтъ до 1844 года. Къ осени и матушка со мною (двухъ лѣтнимъ ребенкомъ) перебралась туда же, и такимъ образомъ все мое первоначальное дѣтство проведено на этой полуазіятской границѣ, на берегу Волги, чему я главнымъ

образомъ приписываю мое сердечное пристрастіе къ этой рѣкѣ; такъ что когда я, въ концѣ 70-хъ годовъ, былъ назначенъ Саратовскимъ губернаторомъ и вновь очутился на берегу Волжскомъ, то меня охватило какое-то родное чувство, и всѣ впечатлѣнія дѣтства опять прошли передъ моею памятью съ особенною живостью и ясностью.

Здѣсь я долженъ вернуться къ тому, что было уже мною говорено въ началѣ моихъ записокъ, гдѣ я указывалъ, что не считаю себя въ правѣ, такъ сказать, представлять прямо біографическій очеркъ моего отца и ограничиваюсь припоминаніемъ его разсказовъ, мнѣній и оцѣнки тѣхъ событій, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ или участникомъ. Не говоря уже о томъ, что я, какъ ребенокъ, не могъ въ то время слѣдить за его дѣятельностью и понимать ее, а ужъ онъ конечно ни въ то время, ни послѣ никогда о своихъ личныхъ дѣйствіяхъ не распространялся; но кромѣ того я, даже изъ уваженія къ его памяти, не могу себѣ позволить привести здѣсь даже и того, что впослѣдствіи мнѣ выяснилось изъ разсказовъ его окружавшихъ и его сослуживцевъ. Мнѣ такъ дорого въ немъ это высокое, щекотливое чувство собственнаго достоинства, которое всегда и во всемъ отдаетъ себя на судъ другихъ, не желая ничѣмъ подѣйствовать на эту свободную оцѣнку,—что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ его жизни, гдѣ приходилось бы исключительно говорить о немъ лично, я вынужденъ умолкать и касаться этого времени лишь въ общихъ чертахъ и какъ бы мимоходомъ.

Поэтому я могу только сказать относительно его десятилѣтняго управленія Астраханскимъ краемъ, что оно не носило обычнаго рутиннаго характера уже потому, что, съ свойственною ему энергіею, горячностью и высокою добросовѣстностью, онъ весь предался мѣстнымъ интересамъ и полюбилъ эти интересы всею душою. Эта особенность не только была ощутительна на мѣстѣ и пріобрѣла ему вскорѣ полнѣйшую и неограниченную преданность всѣхъ сословій мѣстнаго населенія, но и была извѣстна и цѣнима государемъ Николаемъ Павловичемъ. Помню, какъ единственный разъ, по возвращеніи изъ своей служебной поѣздки въ Петербургъ въ 1842 году, отецъ разсказалъ о своемъ свиданіи съ Государемъ. Въ тотъ день, когда онъ отправился въ Петергофъ откланиваться, Николай Павловичъ ѣздилъ въ Кронштадтъ и вернулся прямо къ обѣду, къ которому и отецъ былъ приглашенъ. Послѣ обѣда Государь вызвалъ отца къ себѣ въ кабинетъ и очень долго, подробно и внимательно выслушивалъ его доклады. По окончаніи онъ обнялъ его и простился съ нимъ; но когда отецъ уже подходилъ къ двери, Николай Павловичъ вернулъ его и сказалъ: „Обними меня еще разъ, Тимирязевъ; я за то особенно благодарю тебя, что ты такъ любишь свой край и такъ горячо стоишь за него.“

Если подобное живое отношеніе къ дѣлу и вдали, въ центральныхъ сферахъ, находило свой отголосокъ, то можно себѣ представить, какое значеніе

оно имѣло среди мѣстнаго населенія. При подобныхъ условіяхъ едва ли возможно, чтобы дѣятельность могла быть безплодна, и если присоединить къ этому строжайшее отношеніе къ собственнымъ дѣйствіямъ и въ тоже время зоркое наблюденіе, чтобы и другіе выполняли свой долгъ и свои обязанности, то естественно, что извѣстная доля успѣха не могла не проявиться. Не могу воздержаться, чтобы не привести по этому поводу словъ покойнаго фельдмаршала князя Барятинскаго. Отправляясь въ послѣдній разъ на Кавказъ въ званіи намѣстника, князь ѣхалъ на Астрахань и пробылъ тамъ два дня. Много лѣтъ спустя, встрѣтившись какъ-то съ отцемъ моимъ въ Москвѣ или Петербургѣ (не упомню), онъ обратился къ нему со слѣдующею фразою: „А знаете ли вы, генералъ, что вы измѣнили лѣтосчисленіе въ Астрахани. Когда я былъ тамъ, то меня удивляло, что, при опредѣленіи времени, когда что либо совершилось, прямо говорятъ: „Это было до Тимирязева, въ его время или послѣ него.“....

Каждые два года отецъ осенью уѣзжалъ со всею семьею изъ Астрахани, оставлялъ насъ на зиму въ Москвѣ, а самъ отправлялся по дѣламъ службы въ Петербургъ и проводилъ тамъ мѣсяца три, чтобы выторговать и добиться для излюбленнаго края всего, что только оказывалось возможнымъ. Пользуясь личнымъ благоволеніемъ Государя и тѣмъ свободнымъ доступомъ къ нему, который предоставлялъ въ то время его свитскій мундиръ, онъ неоднократно успѣвалъ при личныхъ докладахъ достигать того, чего не добился бы годами переписки съ министерствами. Тогда это во многомъ облегчало его задачу и чрезвычайно радовало и ободряло его; но впослѣдствіи оказалось, что онъ этимъ накликалъ на себя грозныя тучи со стороны устраняемыхъ или обходимыхъ имъ, такъ сказать, властей, и въ концѣ-концовъ эти тучи разразились надъ его головою такою бурею, которая на долго прекратила всякую его дѣятельность.

Здѣсь будетъ нелишнимъ упомянуть о частномъ случаѣ, не лишенномъ извѣстнаго интереса, ради участія въ немъ Жуковскаго. Въ 1840 году, отецъ мой по обыкновенію довезъ насъ до Москвы, а самъ отправился въ Петербургъ по дѣламъ службы. Между прочимъ онъ захотѣлъ составить мнѣ маленькую библіотеку дѣтскихъ книгъ и учебниковъ, такъ какъ съ наступленіемъ восмилѣтняго возраста меня уже начали понемногу сажать за ученіе. Онъ какъ-то высказалъ свое намѣреніе при Жуковскомъ, который тотчасъ объявилъ ему: „Я самъ выберу всѣ книги для твоего сына; поѣдемъ вмѣстѣ“. И дѣйствительно, въ назначенный день и часъ, Василій Андреевичъ отправился съ отцемъ по книжнымъ магазинамъ. Онъ тщательно подобралъ все, что находилъ нужнымъ и полезнымъ, и когда выборъ былъ оконченъ, онъ во главѣ всѣхъ купленныхъ книгъ положилъ иллюстрированное изданіе своей „Ундины“, надписавъ предварительно на заглавномъ листѣ собственноручно слѣдующія слова: „*Моему юному другу, на память отъ автора*“. Этотъ экземпляръ

Ундины по сіе время хранится мною, какъ драгоцѣнное воспоминаніе о нашемъ незабвенномъ поэтѣ.

Въ 1842-мъ году отецъ мой совершилъ свою послѣднюю зимнюю поѣздку въ Петербургъ, окончилъ тамъ благополучно свои дѣла, удостоился при отъѣздѣ того милостиваго отзыва Государя Николая Павловича, о которомъ я уже упомянулъ выше, и вернулся раннею весною въ Астрахань. А между тѣмъ эти административныя тучи, о которыхъ я говорилъ, настолько сгущались, что въ слѣдующемъ же 1843-мъ году осенью состоялось назначеніе сенаторской ревизіи въ Астраханской губерніи. Прибылъ вскорѣ въ Астрахань ревизующій сенаторъ князь П. П. Гагаринъ; а весною отецъ мой, по настоятельному ходатайству ревизора (прямо заявившаго, что мѣстное вліяніе губернатора такъ велико, что въ его присутствіи онъ приступить къ дѣйствительной ревизіи не можетъ!....), отецъ мой былъ отчисленъ по кавалеріи и покинулъ свой постъ.

Если бы подобный результатъ десятилѣтней чистой, безупречной и ревностной дѣятельности совершился прямымъ, административнымъ путемъ и такимъ образомъ завершилась бы окончательно продолжительная и не безполезная карьера отца, то я счелъ бы священнымъ долгомъ, вопреки столь извѣстнаго мнѣ и столь часто приводимаго на этихъ страницахъ отвращенія моего родителя ко всякаго рода личнымъ разоблаченіямъ,—я счелъ бы долгомъ передъ его памятью, говорю я, указать здѣсь подробно на всѣ тѣ тайныя побужденія и личныя соображенія, которыя руководили главными дѣйствующими лицами, заинтересованными въ подобномъ разрѣшеніи этого вопроса. Но въ данномъ случаѣ все это дѣло было результатомъ гласной ревизіи, производившейся по высочайшему повелѣнію; ревизія эта въ законномъ порядкѣ поступила на разсмотрѣніе 1-го департамента Правительствующаго Сената, затѣмъ по возбужденному въ ономъ тѣми же вліяніями разногласію переведена въ Общее Собраніе; оттуда по разногласію съ министромъ юстиціи перешла въ Государственный Совѣтъ и, послѣ 9-ти слишкомъ лѣтъ всесторонняго обсужденія, разсмотрѣнія и, такъ сказать, перемолачиванія и перебиранія, дѣло это представлено было на высочайшее утвержденіе въ такомъ видѣ, что воспослѣдовала всемилостивѣйшая резолюція приблизительно слѣдующаго содержанія: „Не взысканія, а награды заслуживаетъ Тимирязевъ; опредѣлить на службу и назначить сенаторомъ.“

Въ виду такихъ послѣдствій этого долгаго и тяжелаго испытанія, я не считаю, возможнымъ въ дѣлѣ, касающемся столь дорогой для меня памяти, отступать отъ высокаго по своему достоинству примѣра, который отецъ мой проводилъ въ теченіи 9-ти лѣтъ съ такою рѣдкою стойкостью и съ такою выдержанною силою характера. Съ самаго дня его увольненія въ 1844 г. и до назначенія сенаторомъ въ 1853-мъ году никто и никогда не слыхивалъ отъ него не только слова, но и звука относительно его дѣла. Поселившись

съ семьею въ деревнѣ, въ селѣ Ржавцѣ, отецъ мой не покидалъ этого уединенія и даже, когда по ходу дѣла онъ былъ вызванъ Правительствующимъ Сенатомъ въ Петербургъ для подачи дополнительныхъ объясненій, то, кромѣ выполненія этого законнаго требованія и свиданія съ родными и друзьями, онъ не только не искалъ, но прямо избѣгалъ всякой встрѣчи, могущей въ его положеніи быть истолкованной какимъ нибудь намѣреніемъ напомнить о себѣ.

Да почіетъ въ мирѣ все то, что̀ когда-то такъ упорно мутило чистое и ясное русло отцовской жизни, что̀ причинило столько горькихъ, втайнѣ отъ отца пролитыхъ слезъ моей матери, что̀ такъ тяжко легло въ *матеріальномъ отношеніи* на нашъ семейный бытъ именно въ то время, когда наше воспитаніе требовало наибольшихъ затратъ. Не хочу и не смѣю касаться этого мутнаго источника на „Страницахъ Прошлаго“, не запятнанныхъ ни единымъ нечистымъ воспоминаніемъ!

Итакъ, въ Маѣ мѣсяцѣ 1844-го года, мы выѣхали изъ Астрахани, провели лѣто въ Тамбовской губ., Кирсановск. уѣзда, въ селѣ *Любичахъ*, у сестры матушки Екатерины Ѳедоровны Кривцовой, а на зиму перебрались въ Москву. Но уже въ теченіе этой зимы выяснилось, что наши стѣсненныя обстоятельства не дозволяютъ семьѣ проживать въ столицѣ, и съ весны 1845 года мы окончательно водворились въ Ржавцѣ. Въ то время, по военнымъ правиламъ, никто не могъ числиться на дѣйствительной службѣ, не занимая какой либо должности болѣе одного года, и потому отецъ мой, по истеченіи годоваго срока, былъ уволенъ въ чистую отставку и снялъ мундиръ. Помѣщикомъ, въ прямомъ смыслѣ этого слова, онъ никогда не былъ; не имѣя понятія о сельскомъ хозяйствѣ, онъ и не старался казаться хозяиномъ. Время свое въ деревнѣ онъ проводилъ также, какъ проводилъ бы его и въ городѣ,—сидѣлъ постоянно дома, много читалъ, выслушивалъ доклады управителя, получалъ изъ Тамбовскаго имѣнія отчеты и вѣдомости, даже неоднократно ѣздилъ туда на короткое время; но все это его занимало по скольку оно было необходимо и касалось возможности удовлетворять тѣмъ семейнымъ нуждамъ, которыя ежегодно множились и возростали.

Матушка, напротивъ того, дышала полною грудью въ деревнѣ, и не тяготѣй надъ нею несноснымъ гнетомъ дѣло отца, она бы никогда не желала никакой перемѣны. Семья и природа—вотъ тѣ двѣ силы, которыя наполняли безъ остатка все ея существованіе. Лишенная въ Астрахани, въ теченіе 10 лѣтъ, наслажденія видѣть какое нибудь деревцо, какую нибудь растительность, за исключеніемъ тополя и виноградниковъ, она въ Ржавцѣ, окруженномъ лѣсами и зеленью, съ неудержимою страстью предалась садоводству. Жизнь ея была посвящена урокамъ съ нами и, въ часы перерыва, садкѣ деревьевъ и планировкѣ цвѣтниковъ и дорожекъ въ саду. Я, кажется, и теперь какъ будто еще вижу ее, какъ она, окончивъ съ нами какой нибудь урокъ, торопъ-

ливо накидываетъ на голову шляпу (памела) съ широкими полями и зеленымъ вуалемъ, съ садовыми ножницами на шнуркѣ черезъ плечо и съ большимъ зонтикомъ въ рукахъ устремляется въ садъ, гдѣ ожидаетъ ее старый ея слуга и вѣрный сотоварищъ по садоводству Китай (собственно Титъ, но въ деревнѣ прозванный Китаемъ), который уже привезъ изъ ближней рощи много деревьевъ и кустовъ, предназначенныхъ къ разсадкѣ въ нашемъ саду.

Жили мы очень уединенно и, кромѣ извѣстныхъ дней въ году, когда собиралось сосѣдство, проводили время больше въ семьѣ съ придачею неизбѣжнаго количества гувернеровъ, гувернантокъ и домашнихъ учителей для меня, сестры Ольги и брата Александра. Чаще всѣхъ навѣщали насъ въ Ржавцѣ: Лихвинскій уѣздный предводитель С. П. Яковлевъ и ближайшая сосѣдка наша Е. П. Ергольская, поглощенная заботами о хозяйствѣ и о воспитаніи своихъ четырехъ дѣтей. Женщина, очень умная отъ природы, она съ большею энергіею выдержала борьбу съ множествомъ семейныхъ препятствій и затрудненій и всецѣло посвятила себя дѣтямъ и, соприкасаясь преимущественно этою стороною ко всѣмъ наиболѣе живучимъ струнамъ въ характерѣ моихъ родителей, она въ скоромъ времени сдѣлалась весьма близкою въ нашей семьѣ и до сихъ поръ сохраняетъ къ намъ истинно родственное расположеніе. С. П. Яковлевъ, натура весьма живая и воспріимчивая, не могла повидимому не заинтересоваться, въ лицѣ моего отца, цѣльнымъ, ярко выдержаннымъ типомъ только что сошедшей со сцены замѣчательной исторической эпохи, и для него также обратилось въ привычку весьма часто навѣщать нашъ замкнутый и довольно своеобразный семейный кружокъ. Его пытливому уму и нескончаемымъ разспросамъ я наиболѣе обязанъ запасомъ моихъ воспоминаній о прошломъ времени. Онъ настойчиво и съ увлеченіемъ наводилъ отца на разсказы о минувшемъ и умѣлъ подчасъ вызывать въ немъ нѣкоторую общительность. Какъ часто, бывало, проводили мы лѣтніе вечера втроемъ на балкончикѣ отца передъ его кабинетомъ, выходившимъ на широкій дворъ, трудами матушки обращенный въ сплошной цвѣтникъ, и тогда отецъ мой, уступая нашимъ распросамъ, иногда погружался въ воспоминанія своего прошлаго и рѣзкими, всегда мѣткими и сильными штрихами, отмѣчалъ событія, въ которыхъ онъ былъ очевидцемъ или участникомъ.

Но съ теченіемъ времени возникла для насъ, и въ особенности для меня, настоятельная потребность въ серьезныхъ учителяхъ, которыхъ въ деревнѣ имѣть было невозможно, и пришлось нѣсколько зимъ сряду проводить въ Калугѣ, находящейся отъ Ржавца въ 45 верстахъ. Нанимался скромный домикъ, перевозились деревенскіе экипажи, лошади и всѣ хозяйственныя принадлежности и, за исключеніемъ уроковъ, все остальное шло почти по старому. Въ то время губернаторомъ былъ Н. М. Смирновъ, и жена его, извѣстная Александра Осиповна (рожденная Россетъ) была старая знакомая моихъ родителей по дому Карамзиныхъ. Хотя она въ то время уже далеко не была такъ

увлекательна и интересна, какъ въ былое время; но все же имѣлось столько съ нею общаго въ прошломъ, что отецъ всегда съ удовольствіемъ видался съ нею, когда она бывала въ Калугѣ, а мы очень сблизились съ ея дѣтьми.

Но самымъ близкимъ, почти ежедневнымъ посѣтителемъ нашего дома сдѣлался Калужскій вице-губернаторъ П. Н. Клушинъ (нынѣ членъ Государственнаго Совѣта), человѣкъ энергическій, съ большимъ характеромъ и съ самостоятельнымъ образомъ мыслей и дѣйствій; онъ невольно былъ привлеченъ тѣми отличительными, рѣзко очерченными свойствами, которыя составляли столь рельефную физіономію въ природѣ моего отца, и вскорѣ привязался къ нему и ко всѣмъ нашимъ семейнымъ интересамъ. Это расположеніе его настолько распространилось на всю нашу семью, что до сей минуты мы съ братомъ и сестрою не утратили права считать его въ числѣ самыхъ близкихъ намъ друзей и самыхъ неизмѣнныхъ хранителей и почитателей памяти моихъ родителей. Всякій день къ вечернему чаю появлялся въ то время въ нашей семейной обстановкѣ П. Н. Клушинъ, закуривалъ свою трубочку и послѣ первоначальнаго, невольнаго разговора о скудныхъ, мѣстныхъ интересахъ, бесѣда переходила въ область прошлаго, и весьма часто мой старикъ вызывалъ въ своей памяти образы былаго и своею своеобразною и всегда мѣткою рѣчью освѣщалъ многія историческія событія минувшей эпохи особенно рѣзкимъ и яркимъ свѣтомъ. Въ этой интимной, сочувственной атмосферѣ отецъ мой невольно сбрасывалъ съ себя подчасъ свою обычную молчаливость и сдержанность; по и въ подобныхъ случаяхъ, всегда вѣрный самому себѣ, онъ избѣгалъ говорить о своихъ личныхъ похожденіяхъ и даже среди этихъ дружескихъ изліяній и бесѣдъ никогда не касался своего выѣзда изъ Астрахани и послѣдующихъ фазисовъ этого дѣла. П. Н. Клушинъ до того привыкъ къ нашему семейному кружку, что даже лѣтомъ и осенью неоднократно пріѣзжалъ погостить къ намъ въ Ржавецъ и, будучи въ то время весьма живаго и веселаго нрава, затѣвалъ у насъ разныя живыя картины, шарады въ дѣйствіяхъ и другія забавы, которыя доставляли намъ великое удовольствіе и радовали за насъ моихъ родителей.

Въ концѣ 1848 года изъ Правительствующаго Сената былъ полученъ вызовъ отца въ Петербургъ для представленія объясненій и, въ началѣ Января 1849 г., онъ отправился одинъ въ столицу, предварительно составивъ собственноручно всѣ отвѣты на многіе изъ предложенныхъ ему вопросовъ. При этихъ подготовительныхъ работахъ передъ его отъѣздомъ, онъ впервыя и невольно посвятилъ меня отчасти въ нѣкоторыя подробности этого дѣла. Мнѣ пришлось перебрать привезенныя изъ Астрахани и сложенныя въ его кабинетѣ кипы бумагъ и папокъ, чтобы подготовить ему возможность составить объяснительную записку. Помню только, что меня поразили тогда нѣкоторые факты, которые прямо вытекали изъ документовъ, проходившихъ черезъ мои руки. Такъ, напримѣръ, оказывалось, на основаніи статистическихъ данныхъ,

что за его десятилѣтіе доходъ съ казенныхъ рыбныхъ промысловъ возросъ приблизительно вдесятеро; доходъ съ соляныхъ промысловъ возвысился втрое; наоборотъ, поставка провіанта на лѣвый флангъ Кавказской арміи (эта операція совершалась въ то время въ Астрахани) производилась вдвое дешевле, и при этомъ сохранилось въ его бумагахъ чье-то письмо къ нему, гдѣ просятъ его и на будущій годъ не отказать въ своемъ содѣйствіи къ снабженію приморской линіи провіантомъ, такъ какъ только со времени участія отца въ этомъ дѣлѣ оно производится дешево и исправно. Когда я останавливался на этихъ фактахъ и спрашивалъ отца, извѣстны ли всѣ эти обстоятельства въ Петербургѣ; то онъ мнѣ отвѣчалъ, что несомнѣнно извѣстны, потому что онъ неоднократно слышалъ отзывы по всѣмъ этимъ статьямъ соотвѣтствующихъ министровъ, которые выражали ему свою восторженную признательность, въ особенности министръ финансовъ графъ Канкринъ, относившійся къ его дѣятельности съ особеннымъ сочувствіемъ. Помню также, что мнѣ удалось въ данномъ случаѣ преодолѣть его обычное нерасположеніе говорить о самомъ себѣ, и онъ согласился, наконецъ, составить краткую дополнительную записку по всѣмъ статьямъ дохода съ перечнемъ тѣхъ громадныхъ приращеній и прибылей, которыя были доставлены казнѣ во время его управленія Астраханскою губерніею.

Въ это время, по почину князя П. А. Вяземскаго, возникла мысль отпраздновать торжественно 50-ти-лѣтній юбилей литературной дѣятельности В. А. Жуковскаго. Самъ юбиляръ находился за границею, по случаю болѣзненнаго состоянія своей жены; но всѣ друзья его и товарищи по литературѣ рѣшили отпраздновать этотъ день—29-го Января, собравшись на литературный вечеръ къ князю Вяземскому, причемъ къ этому случаю подготовлены были разныя рѣчи и стихотворенія въ честь отсутствующаго виновника торжества и, между прочимъ, графомъ М. Ю. Вьельгорскимъ была составлена кантата на слова, сочиненныя княземъ Вяземскимъ. Отецъ мой весьма естественно готовился присутствовать на этомъ чествованіи столь высоко-чтимаго имъ поэта; но когда онъ узналъ, что Августѣйшій воспитанникъ Жуковскаго Цесаревичъ Александръ Николаевичъ выразилъ непремѣнное желаніе принять участіе въ этомъ торжествѣ, онъ тотчасъ заявилъ, что считаетъ лучшимъ не показываться на этомъ вечерѣ. Ему представлялось неделикатнымъ, покуда дѣло его не было окончено, ставить въ нѣкоторое, быть можетъ, затруднительное положеніе Наслѣдника Престола, при встрѣчѣ съ личностью, якобы навлекшею на себя неудовольствіе Государя Императора. Говорю *якобы*, потому что отецъ постоянно высказывалъ свое инстинктивное убѣжденіе, что Николай Павловичъ лично никогда не лишалъ его своего благоволенія и довѣрія, столь часто и столь рѣшительно имъ выраженнаго; но тѣмъ не менѣе, покуда дѣло его не было окончательно выяснено, отецъ признавалъ обязательнымъ для своего собственнаго достоинства избѣгать всего того, что могло

бы хоть въ малѣйшей степени быть истолковано въ видѣ желанія напомнить о себѣ. Лишь когда князь Вяземскій, графъ Блудовъ и другіе участники торжества убѣдили его, что этотъ вечеръ носитъ характеръ исключительно *частнаго*, дружескаго собранія и что лишать себя участія въ немъ, во имя подобныхъ, натянутыхъ соображеній, не согласовалось бы съ присущею ему прямотою дѣйствій—отецъ мой уступилъ и пріѣхалъ на это празднество. Въ какомъ порядкѣ происходило это литературное чествованіе, кѣмъ именно и что было читано и декламировано, я перечислять здѣсь не берусь. Знаю только, что по истеченіи нѣкотораго времени сдѣланъ былъ перерывъ и, какъ только приглашенные поднялись съ своихъ мѣстъ, такъ Государь Наслѣдникъ черезъ всю почти гостиную быстрыми шагами направился къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ мой отецъ въ своемъ скромномъ черномъ фракѣ, съ Кульмскимъ крестомъ на груди. Протягивая ему обѣ руки, Цесаревичъ съ исключительно ему присущею привѣтливостью выразилъ ему удовольствіе, что видитъ его вновь въ Петербургѣ послѣ столь долгаго отсутствія. „Мнѣ только непріятно видѣть васъ въ этомъ непривычномъ костюмѣ“, присовокупилъ онъ и затѣмъ съ полнѣйшимъ участіемъ началъ его разспрашивать о ходѣ его дѣла. Отецъ сообщилъ ему, что былъ въ то время вызванъ Правительствующимъ Сенатомъ и уже представилъ всѣ требовавшіяся отъ него свѣдѣнія. Цесаревичъ закончилъ свою бесѣду съ отцомъ выраженіемъ увѣренности, что дѣло это будетъ скоро окончено и что „онъ вновь вернется, къ своей прежней, столь полезной и достойной дѣятельности.“ Этотъ неожиданный эпизодъ произвелъ на отца самое отрадное впечатлѣніе; послѣ столькихъ лѣтъ томительнаго испытанія, подобное доказательство неизмѣнности добраго къ нему расположенія со стороны Наслѣдника Престола послужило ему весьма сильнымъ и твердымъ ободряющимъ ощущеніемъ. Ему уже становилось яснымъ, что и довѣріе Государя къ нему не пошатнулось, и оставалось только дотерпѣть до конца, покуда судебный формализмъ, предоставленный своему медленному, нормальному теченію, не приведетъ этого дѣла къ неизбѣжному окончанію. Выразившееся въ данномъ случаѣ вниманіе къ нему Цесаревича никогда уже не измѣняло ему со дня воцаренія Государя Александра Николаевича, который постоянно относился къ нему впослѣдствіи съ неизмѣннымъ благоволеніемъ, и когда въ 1863 году отца постигъ нервный ударъ, то Императоръ Александръ II, находясь въ то время въ Москвѣ, предложилъ ему на лѣто особое помѣщеніе въ Александрійскомъ загородномъ дворцѣ, и этимъ помѣщеніемъ отецъ мой пользовался ежегодно до самой своей кончины.

Но выраженной Цесаревичемъ надеждѣ, что дѣло отца скоро окончится, не суждено было такъ быстро осуществиться. Отецъ вернулся въ Февралѣ мѣсяцѣ 1849 года въ Ржавецъ, а судьба его рѣшилась лишь въ Мартѣ 1853 года.

Въ то время я уже состоялъ на службѣ при Калужскомъ губернаторѣ гр. Е. П. Толстомъ и проводилъ зиму въ Калугѣ. Вдругъ является ко мнѣ эстафета изъ деревни съ письмомъ отъ матушки, которая увѣдомляетъ меня о полученіи извѣщенія, что дѣло отца кончено и онъ принятъ вновь на службу прежнимъ чиномъ генералъ-лейтенанта и назначенъ сенаторомъ въ Москву. Въ то время управлялъ губерніею П. Н. Клушинъ и разумѣется отпустилъ меня немедленно въ Ржавецъ, сопутствуя меня всякими самыми душевными пожеланіями и поздравленіями. Я уже засталъ отца въ военномъ сюртукѣ (военная форма еще сохранялась у него въ цѣлости), и только тогда, глядя на его ясныя и спокойныя черты, я вполнѣ отдалъ себѣ отчетъ, какая нужна была сила воли, какая желѣзная стойкость характера, чтобы въ теченіи десяти долгихъ лѣтъ нести съ такимъ невозмутимымъ достоинствомъ, съ такою стоическою замкнутостью это тяжелое испытаніе, при полномъ сознаніи своей неповинности и правоты. О матушкѣ я уже не говорю; по одному только сіяющему лику этой неизмѣнной спутницы его жизни можно было судить о томъ, что̀ вынесла и выстрадала она за эти десять лѣтъ и съ какою непоколебимою вѣрою ожидала и дождалась она настоящей минуты торжества.

Послѣ спѣшныхъ сборовъ, отецъ мой отправился въ Петербургъ для представленія Государю. Описывая намъ впослѣдствіи это знаменательное для него свиданіе, отецъ мой разсказалъ намъ его довольно подробно; но при этомъ я могу еще сослаться здѣсь на свидѣтельство графа Ѳ. Л. Гейдена (нынѣ генералъ-адъютанта, въ то время свиты Е. И. В. генералъ-маіора и начальника штаба гренадерскаго корпуса), который въ тотъ же день, одновременно съ отцемъ, представлялся Государю и былъ очевидцемъ этого свиданія. Николай Павловичъ, подходя къ отцу, прежде всего обнялъ его и произнесъ приблизительно слѣдующія слова: „Очень радъ тебя видѣть, Тимирязевъ. Забудь прошлое; я страдалъ не менѣе твоего за все это время; но я желалъ, чтобы ты собою оправдалъ и меня.“ И когда отецъ могъ только въ отвѣтъ проговорить взволнованнымъ голосомъ, что онъ уже не помнитъ ничего кромѣ милостей Его Величества, Государь возразилъ: „И не долженъ помнить и не будешь помнить; я *заставлю* тебя забыть прошлое!“ И съ этими словами снова обнялъ его. И дѣйствительно, Государемъ было сдѣлано все, что̀ было возможно, чтобы и въ матеріальномъ отношеніи вознаградить нѣсколько отца за испытанныя имъ лишенія: ему назначена была аренда на 12 лѣтъ и пожалованъ участокъ земли въ Самарской губерніи.

Такимъ образомъ совершился нашъ переѣздъ въ Москву, гдѣ мой отецъ назначенъ былъ къ присутствованію въ I-мъ отдѣленіи 6-го департамента Правительствующаго Сената и вскорѣ занялъ мѣсто первоприсутствующаго, въ какомъ званіи и оставался до послѣдняго года своей жизни, когда по болѣз-

ненному состоянію уже не могъ продолжать дѣйствительной службы и сохранилъ лишь званіе сенатора.

Но вообще этотъ родъ службы не соотвѣтствовалъ характеру отца и не представлялъ достаточной пищи его живому уму и энергической природѣ. Уголовныя дѣла, восходившія въ то время до Сената, окончательно утратили свойство живаго дѣла. Доклады составлялись въ канцеляріяхъ, докладывались секретарями и оберъ-секретарями, обильно уснащались ссылками на статьи закона и рѣдко могли даже служить поводомъ къ какимъ-либо преніямъ въ засѣданіи присутствія. Видимо этотъ процессуальный порядокъ доживалъ свой вѣкъ; значеніе Сената пропадало, и приближалась эпоха судебной реформы, возвѣстившей свое приближеніе постепеннымъ водвореніемъ публичности засѣданій, начавшейся еще во времена отца моего. Не будучи юристомъ и вообще безъ всякой судебной подготовки, онъ руководился исключительно своимъ яснымъ умомъ и необыкновенно - здравымъ и прямымъ пониманіемъ вещей; но, сознавая, что самое учрежденіе утратило свои жизненныя силы и свою самостоятельность, онъ уже не могъ прикладывать къ этому дѣлу обычной своей энергіи и своихъ природныхъ способностей. Только однажды, въ концѣ 50-хъ годовъ, когда вѣянія новаго царствованія, вмѣстѣ съ свѣтлыми надеждами повсемѣстно ими возбужденными, неминуемо вызвали и крайнія ожиданія и требованія, въ формѣ распространенія разныхъ запрещенныхъ брошюръ и памфлетовъ, начиная съ Колокола и Полярной Звѣзды Герцена и кончая разными доморощенными воззваніями, только однажды, говорю я, мимутно проявилась въ отцѣ прежняя его заботливая и живая дѣятельность. По вечерамъ появлялись въ его кабинетѣ оберъ-секретари его департамента для предварительнаго просмотра готовящихся докладовъ по рѣшенію участи этой молодежи, не желавшей или не могшей понять, что она, своими незрѣлыми, ребяческими увлеченіями, лишь тормозитъ нормальное, постепенное развитіе тѣхъ реформъ, которыя съ новымъ царствованіемъ и безъ того уже издавались слишкомъ спѣшною и щедрою рукою. Помню, что я какъ-то разъ вернулся вечеромъ домой и по обыкновенію прямо вошелъ въ кабинетъ къ отцу, котораго къ удивленію своему засталъ въ обществѣ одного изъ оберъ-секретарей Сената съ огромнымъ портфелемъ бумагъ и докладовъ. Я уже хотѣлъ было удалиться, когда отецъ вернулъ меня, говоря, что они кончили свои занятія и готовились пить чай. Къ сожалѣнію, я не могу теперь припомнить фамилію этого оберъ-секретаря; но у меня осталось въ памяти, что отецъ мой видимо относился къ нему съ особеннымъ довѣріемъ и расположеніемъ. Изъ продолжавшагося при мнѣ разговора выяснилось, что они занимались тщательною, предварительною переборкою степени участія всѣхъ подсудныхъ дѣлу лицъ, дабы въ число обвиняемыхъ и привлекаемыхъ не могли попасть такія личности, имена которыхъ, хотя и упоминаются въ слѣдственномъ дѣлѣ, по которыя ни въ какомъ случаѣ не подлежали привлеченію

къ суду и не были замѣшаны въ дѣлѣ. При этомъ вспоминаются мнѣ слова моего отца, „что насколько должно быть безповоротно и строго наказаніе дѣйствительно тогда виновныхъ, настолько же слѣдуетъ относиться осторожно къ примѣненію того обоюдо-остраго оружія, которое именуется въ законѣ *оставленіемъ въ подозрѣніи*. Эта печать лишаетъ юношу возможности снисканія себѣ честнаго заработка", говорилъ отецъ, „и поневолѣ ввергаетъ его въ ту единственную среду недовольныхъ, гдѣ эта печать служитъ ему не препятствіемъ, а напротивъ того аттестатомъ!"... Здѣсь опять сказалась во всей своей силѣ цѣльность натуры моего отца; онъ понималъ всегда возможность существованія только двухъ категорій: виновныхъ и невиновныхъ, и эта форма *оффиціальнаго подозрѣнія* плохо мирилась съ его категорическою, прямолинейною оцѣнкою. Много лѣтъ спустя, когда, по ходу событій, наступила тяжелая эпоха постоянныхъ покушеній, сопровождавшихся непрерывнымъ рядомъ арестовъ и судебныхъ процессовъ, не разъ вспомянулись мнѣ пророческія слова моего отца при видѣ той участи, которой подвергались многіе юноши, когда, будучи сперва подвергнуты аресту и отторгнуты отъ своихъ должностей и занятій, а затѣмъ, по неимѣнію противъ нихъ никакихъ уликъ, вновь отпущены на свободу, они, лишенные возможности найти себѣ какое-либо правильное занятіе, вынуждены были окончательно обратиться къ единственному доступному для нихъ ремеслу—заговорщиковъ.

За исключеніемъ вышеприведеннаго случая, отецъ мой и по годамъ, и по роду своего служенія, и по жизни въ Москвѣ, не принималъ участія во всѣхъ тѣхъ свѣтлыхъ начинаніяхъ, которыя такъ ярко освѣтили зарю новаго царствованія. Онъ въ числѣ прочихъ участвовалъ въ торжествѣ коронаціи, получалъ подлежащія ему очередныя награды, въ томъ числѣ въ 1860 году былъ переименованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, и тихо довершалъ свое земное поприще, являя собою образъ бодраго старца, сохранявшаго всѣ умственныя и нравственныя силы.

Великая реформа 1861 года встрѣчена имъ была въ высшей степени сочувственно; искренно радовался онъ осуществленію идеи освобожденія крестьянъ и при этомъ заботливо качалъ головою и упорно отмалчивался, при видѣ тѣхъ незрѣлыхъ, скороспѣлыхъ пріемовъ, которые сопровождали эту реформу. Но, неуклонно-вѣрный своему основному принципу буквальнаго выполненія всего того, что принимало форму закона, онъ главнымъ образомъ заботился о томъ, чтобы въ своихъ имѣніяхъ не возбуждать ни малѣйшаго затрудненія къ правильному и мирному водворенію новаго порядка вещей; такъ что ни въ Тамбовской деревнѣ, ни въ Ржавцѣ мировымъ посредникамъ не предстояло никакого труда при составленіи уставныхъ грамотъ. Принадлежа по всѣмъ своимъ понятіямъ и убѣжденіямъ къ отжившей уже эпохѣ, онъ въ тоже время настолько сохранялъ въ себѣ живости ума и быстроты мышленія, что слѣдилъ съ величайшимъ интересомъ за всѣми проявленіями

наступившей эпохи возрожденія и въ особенности относился сочувственно къ предстоявшей судебной реформѣ, хотя и находилъ преждевременнымъ примѣненіе у насъ суда присяжныхъ. Въ общей сложности весьма естественно, что 70-ти лѣтнему старцу не по силамъ было уже слѣдовать за быстрымъ, порывистымъ движеніемъ послѣдующихъ молодыхъ поколѣній, и онъ и не слѣдовалъ за ними, но оставался вѣрнымъ воззрѣніямъ и принципамъ своей эпохи и своего времени и до конца не измѣнялъ имъ.

Въ 1863 году неожиданно, безъ всякой видимой причины, съ нимъ приключился ночью нервный ударъ, лишившій его движенія правою рукою и ногою и отчасти затруднившій свободу рѣчи. Но голова оставалась постоянно свѣжею, и онъ принялъ это испытаніе съ обычною силою воли и яснымъ спокойствіемъ духа.

Послѣ лѣта, проведеннаго въ Александріи, силы его настолько возстановились, что онъ съ осени возобновилъ свои ежедневныя поѣздки въ Сенатъ и продолжалъ такимъ образомъ до 1866 года; но съ весны 1867 года видимо наступило постепенное угасаніе этого мощнаго, живаго и сильнаго организма *15-го Декабря* того же 1867 г. онъ тихо уснулъ на вѣки, окруженный всею своею семьею, не доживъ одного дня до 77-ми лѣтней годовщины....

Ѳ. Тимирязевъ.

Петербургъ, 28 Декабря 1883 г.